

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

КРАСНЫЕ КАМНИ БЕЛОГО

Вадим Юрьевич Панов

Красные камни Белого

Серия «Герметикон», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=653725
Красные камни Белого: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50090-1

Аннотация

Нет покоя в мирах Герметикона! Хотя, казалось бы, жизнь давно налажена. Процветает межзвездная торговля, население растет, а о кошмаре Белого Мора напоминают лишь изуродованные лица спорки. Планеты Ожерелья богатеют, мелкие заварушки на окраинах лишь рассеивают скуку обывателей, астрологические рейдеры открывают все новые и новые миры, но...

Но остается Пустота, великое Ничто, заполняющее пространство между планетами Герметикона. Загадочная Пустота, порождающая чудовищные Знаки, встречи с которыми страшатся и астрологи, и цепари. Однако только Знаками сюрпризы Пустоты не исчерпываются. В великом Ничто даже самый обычный перелет может завершиться совсем не так, как запланировано, и тогда группа неудачливых путешественников оказывается в очень неприятной ситуации...

(Согласно желанию правообладателя, электронная книга распространяется без внутренних иллюстраций.)

Содержание

Пролог	5
Глава 1,	10
Глава 2	47
Глава 3,	83
Глава 4,	150
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Вадим Панов

Красные камни Белого

Пролог

*в котором у охотников
урчит в желудке*

Пусто, пусто, пусто...

Повсюду пусто: вокруг, внутри... От одиночества не спасают даже бегущие рядом родичи. Их ровное дыхание дарит чувство защищенности, однако охотник не мог побороть охватившую его неуверенность. И не только он. Все охотники пребывали в растерянности, вся стая. Они нервничали, поскольку не понимали, что происходит: камни, скалы, поросшие лесом склоны, трава – все вокруг знакомо и незнакомо одновременно. Горы и деревья – знакомы, запахи – нет. Охотники знали, что такое горы, знали, что такое деревья, они должны были успокоиться, вырвавшись из того страшного места, где побывали несколько часов назад, но продолжали тревожиться, мешали чужие запахи, совсем не такие, как в других горах и деревьях. Чужие и странные. Трава другая, деревья другие, добыча... Добычи нет. Настоящей добычи, большой и питательной, – нет. Мелкая прячется под

камнями, шмыгает в норки, торопясь укрыться от страшных чужаков, но переполох напрасен: мелкие – не добыча. Охотники чуяли ужас трясущихся в норках зверьков, но пробежали мимо. Были голодны, но пробежали мимо, потому что это – не добыча. Двумя-тремя мелкими шестерым охотникам не наестся, нужно искать что-то большее. Нужно изучать незнакомые ароматы, стараясь найти в них запах добычи. Запах сочного мяса. А главное – запах страха, который издает добыча, чувствуя приближение охотника.

Но добычи нет.

Пусто.

И внутри тоже пусто, потому что исчез Лидер.

Шесть охотников давно вышли из щенячьего возраста. Все они были взрослыми, сильными самцами, и каждый мог позаботиться о себе. Так было заложено в их природе – заботиться о себе самостоятельно. Шесть охотников были одиночками по сути, но их долго учили жить в стае, и они привыкли полагаться на Лидера. Они признали его вожаком, доверяли и с удовольствием подчинялись. Они любили Лидера, и теперь, оставшись одни, чувствовали себя неуютно. Срывались по пустякам, огрызались друг на друга и подсознательно искали не столько добычу, сколько его – Лидера. Они надеялись, что он сумел вырваться из того страшного места, где они оказались несколько часов назад.

Но добычи не было.

И Лидера – тоже.

И знакомо-незнакомая местность вызывала у охотников понятное отвращение.

Деревья, скалы, чужие запахи... Мы одни.

Все не так!

Через пару часов бега они остановились. Река все время была рядом, бурлила меж камней, казалось бы – задержись, попей и догоняй остальных, – но охотники привыкли жить в стае, а потому бежали до тех пор, пока один из них не подал сигнал, что пора отдохнуть. Пора, значит, пора. Кто-то улегся на камни, невозмутимо разглядывая остальных, кто-то принялся лакать воду, а один и вовсе вошел в холодный поток, стараясь отыскать водяную добычу. Напрасно. Пусто...

Нет!

Вошедший в воду охотник вдруг поднял голову и выдал короткий, похожий на кашель, лай:

– Кха!

Стая насторожилась.

Охотники легко обходились без звуков, но считали, что те прибавляют общению выразительности, и лающий кашель показывал, что дело важное.

– Кхе-ер!

«Добыча?»

Очень похоже.

«Водяная добыча?»

Нет, в реках добыча мелкая и глупая, совсем как в норах, и ради нее родич не стал бы подавать голос. Что-то другое...

Охотники вошли в воду и принялись принюхиваться, стараясь уловить едва заметные следы большой и питательной добычи.

– Кхе-ер! – вновь подал голос первый. Он был уверен, что не ошибся, но отвечать ему не спешили.

– Кхе-ер!!

– Кха!

Один из охотников повернулся к родичу и дружески ощерился:

«Не мешай – разбираемся!»

– Кхе-ер?!

«Добыча!»

Все правильно – она.

Сделав вывод, охотники выбрались из воды, отряхнулись и уселись на камнях, образовав почти правильный круг. Им нужно было подумать.

Родич не ошибся – в верховьях реки действительно водилась питательная добыча со знакомым запахом. Не самая вкусная, зато легкая. Охотникам не терпелось познакомиться с ней, однако идти придется далеко, и они точно потеряют Лидера.

– Кха! – кашлянул нетерпеливый.

«Его больше нет».

Лидер слабее охотников и вряд ли вырвался из того страшного места.

– Кха!

«Надо идти!»

Охотники покачали лобастыми головами, но спорить не стали: чтобы жить, нужна добыча. А Лидер и в самом деле потерялся. Остался в страшном месте, из которого они вырвались несколько часов назад, и, возможно, его больше нет. А если он есть – охотники не могли не надеяться на счастливый исход, – он обязательно их отыщет.

– Кха!

И стая направилась вверх по реке.

Глава 1, в которой счастливчикам становится страшно, Алокаридас поднимает тревогу, а Осчик ловит Знак Пустоты

ГРОЗНЫЙ

Это Пустота?

Это и есть та самая Пустота?

Великое Ничто без воздуха и света? Без жизни и без надежды? Манящая. Таинственная. Пугающая одним лишь именем...

Так вот какая ты, Пустота!

Здравствуй.

Здравствуй, Пустота, которая таит в себе все. Здравствуй, загадка. Здравствуй, то, чего нет, и то, что будет всегда. Последнее мое пристанище, последний мой сферопорт. Здравствуй, моя смерть.

Здравствуй.

Почему все тебя боятся? Почему холодеют, попадая в твои объятия? Почему боялся я? Раньше боялся... И почему не испытываю страха сейчас? Я стал

сильным или смирился? Понял смысл неоправданности или признал поражение?

Я еще – я?

Или Знаки твои уже сделали меня другим?

Или вопросы мои звучат не здесь, а там? После того, что было раньше. После того, что называлось жизнью. Где я, Пустота? Еще здесь или уже там? Или на границе? На едва различимой ниточке, натянутой между «тогда» и «потом». На ниточке, с трудом выдерживающей тяжесть моей души? Сколько вечных секунд длится наш разговор? И для чего он нужен? Уже ли вопросы мои и есть мой страх? Я сказал, что не боюсь, а ты молчала. А я только сейчас понял, что никогда раньше не задавал столько вопросов подряд. Ты видишь меня насквозь, а я тебя не понимаю, но ты все равно не Бог.

Ты просто есть. И у тебя есть тайны.

И тайны делают тебя страшной, а вовсе не то, что ты убиваешь. Потому что страх смерти покинул меня давно, а обычный страх – еще раньше. Но нет в тебе ничего обыкновенного, и страхи мои вернулись. И я смотрю на тебя, Пустота, и говорю:

Здравствуй...

Пустота?!

Движение и крик произошли вдруг. Одновременно. Еще до того, как пришел страх и доказал: ты жив. Крик стал взрывом души, а движение – попыткой ударить.

Он кричал и защищался. Он не знал, где находится, не

знал, жив ли, но был готов к бою. Потому что не умел сдаваться. Даже сейчас, с трудом поднимая руки, не научился. Не захотел учиться.

Движение и крик...

А в следующий миг он понял, что задыхается. Он был в Пустоте и запретил себе дышать. Он боролся даже там, в Ничто, не имея никакой надежды, но силы не беспредельны, и сейчас он потерпит поражение. Он почувствовал ярость и злость, он попытался продержаться еще секунду, еще половину секунды, еще четверть, но... Но паникующие инстинкты ответили: «нет». И парализовали волю.

Тело хотело дышать. Тело требовало кислорода, жаждало его, хотело жить, и...

И он глубоко вздохнул, не желая того. Понимая, что глоток Пустоты станет последним. Вздохнул, так и не смирившись. Но прощаясь.

Он глубоко вздохнул, и его легкие наполнились чистым, свежим воздухом.

«Где же Пустота?»

Нет, не сразу. Не сразу и не так. Эта мысль пришла потом, потому что сначала он был слишком занят. Он дышал.

Он сделал четыре глубоких вдоха, успокоил перепуганное тело и только после этого осознал, что видит.

«Где же Пустота?»

Ветки.

Нет, не ветки – куст.

Нет. Дерево. Точнее – пышный куст, усеянный бесчисленными белыми цветочками, и несколько деревьев.

А еще – камень.

Очень большой камень, который следовало бы назвать скалой. А рядом с ним – камни поменьше. А сразу за ним – совсем огромные, уходящие вверх...

За тем камнем, который следовало бы назвать скалой, высились настоящие скалы, которые нельзя было назвать никак иначе.

И следующая мысль звучала так:

«Где я?»

Скалы и деревья. Горы. Залитые свежим воздухом, а значит – жизнью. Здесь можно дышать и нет Пустоты. Здесь все настоящее. И он настоящий. И он жив.

Наверное, потому, что не сдался.

«Где я?»

Он рывком поднялся на ноги и вскрикнул. Не смог сдержаться, потому что не ожидал столь сильной боли. Потому что иглы вдруг пронзили его ноги, а кузнечный молот врезался в грудь. Потому что в животе поселилась ледяная глыба, а в голову насыпали раскаленных углей. Потому что никто не смог бы подготовиться к такой атаке.

– Ядреная прищпа!

Но на ногах удержался. Не упал, не стал кататься по земле, хотя очень хотелось. Не кричал больше и даже не ругался. Терпел, шумно дыша, и лишь через минуту, показавшуюся

часом, когда боль отступила столь же внезапно, как навалилась, он слизнул с губ кровь и усмехнулся:

– Ну и где, спорки ее сожри, Пустота?

Огляделся внимательнее и увидел. Не Пустоту – спорки.

КУГА

Ужас.

К нему невозможно подготовиться, невозможно стиснуть зубы и сказать себе: «Прорвусь!», потому что в самом этом слове заложено:

Ужас.

Коротко и ясно. Емко. Окончательно.

Страх, с которым ты способен бороться, остался в прошлом. Каким бы он ни был: липким, холодным или изнуряющим, он уже сыграл свою роль: он подготовил тебя к последнему своему проявлению, к царю своему.

К ужасу.

Что наваливается всем весом, стискивает душу холодными лапами и кутает в плотную вату непонимания. Отключается разум, чувства пляшут кадриль, и ты покидаешь мир, пропадая в колодеце безнадежности. Если повезет – выведут инстинкты, ведь желание жить пропитывает каждую клеточку, но... Но на самом деле должно повезти дважды: чтобы инстинкты не подкачали и чтобы существовал путь к спасению. Хоть какой-нибудь путь, хоть тропинка, хоть натянутый над пропастью канат... Должна

*быть надежда, в которую вцепятся инстинкты,
должен быть слабенький лучик в угольной тьме
отчаяния, должен быть...*

Но только не в Пустоте.

Не в этом злобном Ничто.

Не там, где пропадает все, включая души.

В Пустоте есть только ужас...

– Нет!

– Все хорошо...

– Я не хочу умирать!

– И не надо...

Она смотрела широко распахнутыми глазами, но ничего не видела. Пронзительно кричала, но не слышала себя. Царапала ногтями шею, но не испытывала боли. Не понимала, что дышит, и жаждала свежего воздуха. Затуманенный разум шептал: «Ты умираешь!» – и она верила.

– Помогите!

Ужас не отпускал.

– Помогите!!

Из невидящих глаз текли слезы, а лицо стремительно синело.

– Помогите!!!

Он знал, что так иногда бывает после Пустоты: человеку кажется, что он еще в ней. Что Знак ее или дыхание не отпускают, тянут назад, в Ничто, не позволяют освободиться и в конце концов убивают. И еще он знал, что девушка мо-

жет остаться в своем кошмаре навсегда. Не увидеть спасительного огонька, не понять, что все обошлось, и умереть. Задохнуться прямо здесь, на берегу горной реки, потому что спятившие инстинкты скажут: «Тебе конец!»

И она поверит.

Он знал, а потому ударил. Влепил кричащей девчонке пощечину, за которой тут же последовала еще одна.

– Все в порядке! Ты слышишь? Все в порядке!

– Я не хочу умирать!!

Он тряс ее за плечи и кричал:

– В порядке! – И снова кричал: – В порядке! Ты здесь!

Не знал, что сказать еще, как достучаться до сознания перепуганной девушки.

– Помогите!

Еще один удар. Жесткий, в кровь разбивший губы.

– Очнись!

С цепарями, тружениками звездных дорог, такие фокусы проходят, цепари приучены реагировать на боль, сразу понимают: раз больно, значит, жив. Иные даже отмахиваться начинают, показывая, что вернулись. А вот девчонка...

– Я могу дышать.

«Ну, наконец-то».

– Я могу дышать!

Она не поняла, что сказала. Фраза прозвучала осмысленно, спокойно, но это была не ее фраза. Это был короткий всплеск, мгновенное просветление, после которого девуш-

ка задышала. Торопливо и жадно, захлебываясь в холодном воздухе и недоверчиво впитывая понимание того, что жива.

– Я не падаю.

А вот это уже она – настоящая, опомнившаяся. Делает выводы. Осознает себя и возвращается в мир.

– Да, – подтвердил он, – не падаешь.

И глубоко вздохнул, довольный тем, что спас незнакомку. А может, и не спас, может, она справилась сама, но главное – справилась. И на душе стало тепло.

– Ты не падаешь. И ты можешь дышать. Все в порядке.

Перед глазами повисла серая пелена, а потому она их закрыла. И замерла, не решаясь вновь поднять веки. Прижалась к человеку, которого не знала, и замерла притаившимся зверьком. Потому что человек был теплым, сердце его билось ровно, бесстрашно, а крепкие объятия казались надежным укрытием от безоглядного ужаса. И еще у человека был очень спокойный голос.

Рядом с этим человеком ей было хорошо, и она боялась покидать с таким трудом обретенное убежище. Боялась, что, если откроет глаза, уверенный человек исчезнет, а на нее вновь навалится Пустота. Сжалась в комочек и боялась, а он не мешал. Сидел рядом, прижимал девушку к себе и ждал, когда она поймет, что...

Ужаса больше нет.

– Все будет хорошо, – прошептал спокойный человек. – Ты жива, а это главное. Ты жива. Все позади.

Ужаса больше нет. Не чувствуется. Не ощущается. То ли сам ушел, то ли испугался спокойного незнакомца.

«Скорее второе, потому что одна я с таким кошмаром не совладаю бы... Он мне помог, а значит, он мой друг... Нужно открыть глаза...»

И она сумела. Прижалась к спокойному еще теснее, вцепилась тоненькими пальцами в его руку, пискнула, то ли от страха, то ли желая подбодрить себя, и открыла глаза. И увидела лысого мужчину. Внимательного и спокойного. Поняла, что крепкие его руки – не сон, и улыбнулась. А потом спросила:

– Все кончилось?

– Да, – подтвердил мужчина. – Хотя я не знаю, что началось.

РЫЖИЙ

«Где стена? Где, хня спорочья, эта мулева стена?!»

Только что была здесь, надежно защищала каюту от Пустоты, и вот ее нет! Нет, чтоб тебя разорвало!

«Где стена?! Где?!?!»

Он хорошо знает, что такое паника. Каждый ее гребаный признак знаком ему досконально. Он хорошо умеет вызывать ее у толпы. И у одного человека – тоже. Его этому учили, и он любит этим заниматься – нагонять страх и вызывать панику. А себя он умеет держать в руках, умеет не поддаваться, умеет

оставаться спокойным в самых опасных ситуациях... Его психика сделала бы честь бетонному столбу, но сейчас ему плевать на умения и знания.

«Где стена?!»

Исчезновение которой сорвало внутренний клапан. Или сожгло. Выдернуло, одним словом, заставив позабыть и знания, и умения. Нет, не позабыть – плюнуть на них. Потому что, раз стена исчезла, все его знания и умения становятся бесполезными. Потому что, раз стены нет, перед ним расстилается Пустота, и если паниковать, то прямо сейчас, в наиболее подходящий для этого момент.

«Где стена?!!»

И он проваливается в Пустоту. И в спасительную панику, не позволяющую сойти с ума. Он бросает возжи своего разума, делает шаг и улыбается. Он летит, но облаков нет. Вокруг лишь размазанное серое, перекошенные рты других и Пустота.

Он улыбается.

Вокруг него лишь Пустота...

– Мать твою, спорки!

Его рвет Пустотой. Выворачивает наизнанку, заставляя извергать слизь и, кажется, кровь. Но он не думает о том, что покидает его тело. Его рвет, а он ругается и смеется, потому что, раз его рвет, значит, он жив. Он почти счастлив. Он вернулся. Он прошел сквозь исчезнувшую стену, преодолел серую мразь поганого Ничто и снова победил.

Он жив.

Его рвет.

Но он жив.

Жив.

А когда заканчивается смешанная с кровью слизь и перестает крутить внутренности, он поднимается на ноги, но сразу опускается на правое колено. Трясет головой, пытаясь выдавить противный, режущий душу писк – последний, как он надеется, привет Пустоты, и на мгновение теряет ориентацию. Всего на мгновение. Потому что боль, вонь, кровь и слизь не мешают ему впасть в безумную радость.

– Я, хня спорочья, победил! – Он сжимает кулаки. – Слышишь меня, хня мулевая? Я поймел тебя, тварь! И еще поимею! Еще сто раз поимею!

Он жив.

И заставляет себя встать с колена. Это больно, очень больно, потому что в ноги впиваются огненные спицы. Беспощадные спицы пронзают не только ноги – все тело и втыкаются в позвоночник, заставляя кричать и ругаться. Безумная радость мгновенно сменяется лютой злобой. Он едва не теряет сознание, но продолжает стоять. И продолжает ругаться. Черпает силу в ненависти, в страшных, омерзительных богохульствах, в грязи, во всем, что стыдливо прячут в потаенных уголках души, и... и побеждает.

Он жив.

Он больше не на коленях.

Он погасил огненные спицы.

Он победил боль. И злобная ругань превращается в смех. Он смеется. Громко. Взахлеб. Шатаясь, стоит он в зловонной луже собственной рвоты и смеется, потому что счастлив. Ему хорошо.

СВЕЧКА

– А-а!

Громкий, полный возжелания стон не способен передать ее ощущения, лишь обозначает грандиозность вершины упоительного наслаждения, на которую она только что поднялась. Громкий стон показывает, насколько ей хорошо. Но показывает плохо, неотчетливо, потому что блаженство нельзя описать ни стоном, ни словами. Оно читается в движениях, в приоткрытых губах и капельках пота. Но читается плохо, потому что основное – внутри. Потому что ожидаемый всплеск превратился в ошеломляющий ураган. Потому что ее накрыло волной невероятного удовольствия, и все остальное стало неважно.

– А-а!!

Ей кажется, что она летит. Парит, потеряв опору и вес. Все вокруг смазано, все вокруг серое, но только потому, что наслаждение делает мир тусклым. Потому что она с головой окунулась в омут, наполненный туманящим эликсиром чистой страсти. Она захлебывается в нем, задыхается, но муки лишь

обостряют ощущения, делают их жестче, поднимают выше самой высокой вершины.

– А-а!!!

Она не хочет возвращаться в наполненный размытой серостью мир. Ей плевать на происходящее вокруг. Она не хочет покидать вершину. Она на самом краю, и она в восторге.

– А-а...

– Она ранена?

– Ее трясет!

– Истерика?

– Нет... совсем нет.

– Чем она занималась в Пустоте?

– Или с Пустотой?

– А-а...

– Отличный Знак... Лучший из всех, что я видел.

– А-а...

Грубые руки срывают ее с вершины блаженства, тянут вниз, в обычный, зараженный серой повседневностью мир. Из чарующей сказки – в судорожную Пустоту реальности.

– Нет!

– Открой глаза!

«Добровольно? Да ни за что!»

– Тащи ее к реке!

Она напрягает последние силы, пытается отбиться, отмахнуться от безжалостных рук, пытается зацепиться за сладкую

вершину, но... Но в следующий миг ее накрывает холодная волна. Мокрая и очень холодная волна.

«Что случилось? Вода...»

Она открывает глаза и видит воду. Она вдыхает, и чувствует воду.

«Я тону!»

Нет больше упоительного блаженства. Нет больше счастья. Нет.

Нет...

И она начинает рыдать.

ТЫКВА

Там смерть!

Не вероятность ее, а она сама. Оплачена моим билетом на этот гребаный цеппель! Смерть в Пустоте...

Да какая разница где? Смерть!

Там закончится все. Даже то, что еще не начиналось.

Там будут списаны все долги и закрыты все обязательства.

Там не останется ничего.

Только смерть.

Моя смерть, потому что я уйду, а мир останется. Не заметит, что я ушел. И Пустота... Она убьет меня и останется. И всех остальных, что кричат вокруг, она

убьет тоже. Безразличная. Пустая. Пустая Пустота. Мы все уйдем, а она останется. Наша убийца.

Смерть...

Почему они кричат? Неужели непонятно, что там смерть, а значит, бесполезно кричать и плакать. И бояться. И ругаться. И надеяться на что-то, потому что цеппели в Пустоте не ломаются – цеппели в Пустоте гибнут. Нет ни единого шанса.

Зеро.

И неважно, кем ты был, важно только то, что ты поставил не на тот цеппель. Купил билет в Пустоту и прибыл по назначению. И еще важно, что ставок больше нет и отыгаться не удастся. Казино опять выигрывает...

Зеро.

Ставок больше нет.

Смерть.

Так для чего кричать? Я ведь знал, что однажды проиграюсь в пух и перья. И неважно, чем со мной расплатятся: ножом под ребра или Пустотой? Я знал, что пьеса будет сыграна, а потому, пока не закончился воздух, я поднимаю последний бокал вина. Я допиваю его и швыряю в стену. А потом иду к ней, к Пустоте.

Я знаю, что бежать бессмысленно...

– Как он?

– Он молодец, ядреная прищпа! Не кричит и не воеет. Спросила женщина, похвалил мужчина. Кто они? Да какая разница? Может, живые. А может – мертвые. Пустота – она

забавная, цепари в кабаках такого про нее рассказывают, что глаза на лоб лезут. Правду от вымысла отличить сложно, а потому понять, что за спасители держат за плечи, нет никакой возможности. Мертвые? Живые? Или просто: такие, как я? Да, наверное: такие, как я. В этом есть смысл. Они кричали, а я пил вино и улыбался. Они пытались спастись, а я сам шагнул в Пустоту. Но они все равно не убежали, они все равно здесь, рядом со мной, в Пустоте...

– Парень, я вижу, ты в норме. Открой глаза и скажи что-нибудь.

«А что говорить?»

– Кха... – Он попытался пошутить, но не получилось, сначала пришлось покашлять. – Кха!

– Ты уверен, что он в норме?

– Смотрит осмысленно.

– С чего ты взял?

– Он уставился на твоё декольте.

– Я в норме.

– Вот видишь.

– Кха!

Прямо перед ним красивая девушка с синими волосами, её строгое платье в беспорядке, расстегнуто чуть больше, чем позволено приличиями. Рядом с ней – лысый мужчина в цепарской куртке. А за их спинами – дерево.

«Не такая уж ты и пустая, Пустота...»

– Где-нибудь болит?

«Какой у нее красивый голос...»

– Кха... Везде.

– Значит, с ним действительно все в порядке. – Лысый мужчина встает на ноги и озирается: – А кто сейчас кричал?

ПРИВЕРЕДА

– Помогите!

Крик превращается в хрип. За одну секунду. За одну-единственную секунду! Нереально быстро и нереально страшно. Крик говорит, что все кончено.

Чужой крик.

Но это ничего не значит, потому что я тоже кричу.

– Помогите!

Я в трех шагах позади того, чей крик стал хрипом, в трех шагах от края жизни. В трех шагах от последней черты. И все вокруг кричат и стоят, потому что за их спинами стена и дальше бежать некуда. Я тоже кричу и тоже не двигаюсь, потому что стена и за моей спиной. Потому что я одна из всех. Потому что я кричу и плачу, но надеюсь, что три последних шага не будут сделаны. Мы все надеемся, потому что за нашими спинами стена, и бежать дальше некуда. Мы замерли. Мы держим друг друга, но Пустота сосет воздух и проклятая черта приближается даже тогда, когда мы стоим на месте.

И мы кричим:

– Помогите!

А люди из первого ряда падают. Они глотнули Пустоты. Через них прошла черта.

«Помогите! Пожалуйста!»

Я прижимаюсь к стене. Я не хочу в Пустоту. Я верю, что мое время еще не пришло, но стена впереди, стена из людей, становится все тоньше. И мое время придет совсем скоро.

И я кричу:

– Помогите!

Но ответа нет. И помощи нет. И та стена, что за спиной, не становится тоньше, хотя некоторые пытаются с ней совладать. Они бьют ее и царапают ногтями. Они кричат:

– Помогите!

Но стена прочна, а черта приближается.

И мой крик превращается в хрип. А значит, я в Пустоте.

А значит, я мертва...

– Помогите!

– Да заткнись ты!

– Раз орет, значит, жива.

– У меня голова болит от ее воплей.

– Только голова? Тебе повезло.

– Ты тоже заткнись.

– Помогите!

Где Пустота? Где смерть? Это смерть? Но откуда голоса? Почему эти голоса не зывают о помощи? Или это похоронная процессия? Или мы выстроились в Пустоте и медленно

двигаемся... Куда можно идти в Пустоте? В другую Пустоту? Откуда голоса? Откуда чужие руки?

– Отстаньте! Оставьте меня!

– Ты ее лапаешь или пытаешься помочь?

– И то и другое.

– Оставьте меня!

Пощечина.

– Ядреная приппа! Девчонка мне уже нравится!

– Не смей меня трогать!

Она резко поднимается и яростно смотрит на сидящего рядом мужчину. На рыжего мужчину в дорожном костюме. Тот хмыкает:

– Я должен был привести тебя в чувство.

И отодвигается.

Пауза. Пришедшая в себя девушка медленно оглядывается, по очереди фокусируя взгляд на синеволосой спорки, лысом мужчине, еще одном мужчине, тоже спорки, и полуголой девице с короткими светлыми волосами. Оглядывается, после чего спрашивает:

– Мы умерли?

И слышит:

– Возможно.

И кивает с таким видом, словно удовлетворена этим, не особенно радостным ответом.

– Я помню, что черта приближалась, и я должна была умереть.

— А вместо этого мы оказались здесь, — усмехнулся лысый. — Добро пожаловать в неизвестность.

ОФИЦЕР

«Мог ли я хоть что-то изменить?»

История не знает сослагательного наклонения. История уже стала прошлым. Все, что должно было случиться, — случилось, и поменять ничего нельзя. Нет такого правила в наших благословенных мирах. Отсутствует, признанное вредным, но человек иррационален, а потому всегда будет думать о том...

«Мог ли я хоть что-то изменить? Мог ли я помочь себе? Мог ли я помочь тем, кого привел к смерти? Мог ли...»

«Нет».

«Нет, нет, нет, нет и нет, потому что не смог бы никто. Потому что, оказись за штурвалом сам Оскар дер Шет, это ничего не изменило бы. Потому что даже легендарный капитан беспомощен в Пустоте так же, как его пассажиры».

И может лишь наблюдать за катастрофой.

А потом, после того, как катастрофа произошла и цепель уже не спасти, он парит в Пустоте, ждет скорой смерти и грустно думает:

«Мог ли я хоть что-то изменить?»

— Да! Да, я мог! Я должен был! ДА!!

— Кто кричал?

– Около скалы!

– Я знаю как!!!

Он рвет штурвал вправо, а левой рукой опускает рули высоты. Он требует от цеппеля невероятного, невозможного выража, но ведь они в Пустоте, в которой все законы физики окрашены в безумие. Цеппель здесь непослушен, на обычные команды не реагирует, так может, он совершит невозможное? Почему бы ему не совершить невозможное? Ведь мы в Пустоте! Ну, давай, чокнутая дрянь, покажи, что я тебя разгадал!

«Я должен! Я смогу! Я обязан!!»

Он рвет штурвал.

И понимает, что все напрасно. Цеппель все равно не слушается, все равно летит вперед так, словно стремится погибнуть. Стремится убить всех, кто ему доверился.

Цеппель – предатель.

– Я все равно смогу...

– Разожмите ему зубы! Он должен дышать!

– Перенесите его!

– Посмотрите на его ноги!

Пауза. Дрожащий голос:

– Добрые Праведники, что же здесь происходит?

Громкий крик:

– Мне страшно!

Следом спокойное:

– Уведите женщин!

Он понимает услышанное – это крики катастрофы. Пассажиры в шоке, но отвлекаться на них не следует, ведь он еще может их спасти. Он должен их спасти, а потому остается в Пустоте и продолжает крутить штурвал.

А они смотрят на его ноги, которые стали частью камня. Вся нижняя часть одетого в офицерскую форму человека находится в камне, в скале. Не придавлена, а растет из нее. Ног у мужчины нет, они ушли в камень.

И спасения нет, потому что цеппель – предатель.

– Я не смог... – Офицер открывает глаза и смотрит на пассажиров. – Я не смог предотвратить катастрофу.

А они смотрят на него, на его ноги, которых нет, и молчат. Они не могут подобрать слова.

– Простите, – шепчет офицер.

И слышит ответ:

– Ты сделал все, что должен, капитан. Никто не справился бы лучше тебя.

– Простите...

Он чувствует, что кто-то крепко жмет ему руку. Он понимает, что его пытаются приободрить. Он догадывается, что прощен, и от этого становится теплее.

– Я старался...

– Мы благодарны тебе.

– Простите.

Он закрывает глаза и умирает. Прекращает дышать. Прекращает жить. Остается в своей Пустоте и, возможно, вновь

пытается заложить невероятный вираж. Он такой. Он будет бороться до конца, будет бороться даже после наступления конца. Будет, потому что не может иначе. Потому что хочет все исправить.

Он умирает.

А они стоят и молча на него смотрят.

Они стоят, и им страшно.

Им всем очень страшно.

* * *

Амая приходила в Красный Дом не спеша. Даже сейчас, летом, когда звезда поднималась рано и почти сразу забиралась едва ли не к самому зениту.

Красный Дом располагался на широкой террасе, прилепившейся к южной стороне Храмовой горы и, казалось, должен был окунаться в благодатное тепло сразу после восхода, но этого не происходило. Ночь, успевшая недолго побыть сумерками, уходила примерно в четыре утра, однако Амая продолжала таиться за высоченной и очень широкой Кособокой. Неровный контур соседней горы украшался ореолом теплых лучей, а погруженный в зябкую прохладу Красный Дом скучал без солнца еще около часа.

Но старый Алокарида все равно любил наблюдать за восходами. Немного грустными в своей неспешности, но неотвратимыми. Старый Алокарида находил в них Вечность, а

причастность к великому – пусть даже в качестве наблюдателя – позволяла ему с холодным достоинством принимать неизбежное.

Принимать то, что его время таяло.

И Алокаридаас искренне радовался каждому отпущенному дню.

Около года назад, поняв, что силы уходят, жрец приучил себя просыпаться за несколько минут до рассвета. Одевался, не зажигая свет, выходил из спальни и медленно шел к черному ходу, напротив которого находилась ведущая на стены лестница. Алокаридаас мог бы встречать рассвет у окна, однако решил, что будет подниматься на идущую вдоль защитной стены галерею до тех пор, пока сможет, и неукоснительно соблюдал данное себе обещание. Оно стало для жреца еще одним доказательством того, что он не ждет неизбежного, а живет полной жизнью, что у него есть силы оставаться в строю. Что он еще силен. Что он может...

Может, несмотря на то, что теперь он преодолевал двадцать ступенек с двумя остановками, дыхание постоянно сбивалось, а перед глазами появлялась мутная пелена. Он мог. И он делал. И послушники, прекрасно видевшие мучение верховного жреца, кланялись ему ниже обыкновенного. Не из жалости, а в знак уважения.

Поднявшись на галерею, Алокаридаас вновь отдыхал, а затем неторопливо преодолевал тридцать шагов до площадки Кособокой башни, названной так в честь расположенной

напротив горы. Останавливался, клал руки на отполированные бесчисленными прикосновениями перила и устремлял взгляд слезящихся глаз в предрассветное небо, шепча благодарность Отцу за то, что может смотреть. И может стоять. И может сам подняться на башню.

Озябший и довольный Алокаридас возносил Отцу собственную молитву, не имеющую ничего общего с классическими текстами, и заканчивалась она в тот самый миг, когда над Кособокой поднималась Амая. Заканчивалась словами надежды, что завтра все повторится. Что ему вновь хватит сил подняться на башню, и еще один день упадет в копилку долгой и правильно прожитой жизни. И Амая, которая выбиралась в этот момент из-за Кособокой, соглашалась: «Повторится».

И на душе Алокаридаса становилось тепло.

В тот день все начиналось как обычно.

Верховный жрец проснулся и несколько секунд лежал с открытыми глазами, радуясь тому простому факту, что проснулся. Поднялся, улыбнувшись при мысли, что справился, и почти минуту массировал изрядно онемевшую руку. Убедившись, что подвижность вернулась, Алокаридас надел кожаную маску, без которой не имел права показываться на людях, и аккуратно затянул ремешки на шее и под подбородком. Маска плотно облегла лысую голову жреца и была украшена красными бусами. Две короткие кисти из мелких

камушков спускались с висков до шеи, а третья, длинная, почти с локоть, падала с затылка на спину. На лбу же был закреплён круглый белый камень, символизирующий То, Что Дало Начало.

Закончив с маской, Алокаридаc надел поверх белья тёплый красный халат, расшитый искусным белым узором, кряхтя, натянул носки, сапоги и вышел из спальни.

Десять шагов по коридору, дверь, и вот его окутывает утренняя свежесть. Яростная, как зверь, пробирающаяся до старых костей, дарующая дрожь, но... Но жрец вновь улыбнулся, радуясь тому, что чувствует холод. Месяц назад Алокаридаc на неделю потерял эту способность и почти пал духом, решив, что смерть близка.

– Я жив... Я ещё жив...

Пять шагов до лестницы, а затем двадцать ступенек, которые с каждым днём становились круче и круче. Левая нога подозрительно скрипнула, в левом боку закололо, однако жрец упрямо продолжал путь.

– Я смогу. Я все равно смогу.

И смог.

Поднявшись на стену, передохнул, привычно бросив взгляд во двор Красного Дома и двери храма. Вздохнул, сделал два шага к башне и остановился.

Медленно, очень-очень медленно Алокаридаc вновь повернулся, пытаясь понять, что тут не так? Мощёный двор аккуратно подметен, даже со стены, даже старыми глазами

видно, что на камнях нет ни единой соринки. На окнах ставни, послушники еще не проснулись, двери заперты...

Двери!

Жрец вздрогнул, и сердце его сковало холодом, ни имеющим никакого отношения к утренней свежести: дверь в храм была приоткрыта.

Приоткрыта! И рядом нет стража!

– Нет...

Скрип в ноге, боль в боку, слезящиеся глаза, прерывистое дыхание – все вдруг исчезло, потеряло значение, забылось. Бегом, как молодой и полный сил послушник, преодолел Алокарида тридцать шагов до башни, схватил било и принялся колотить им в металлический гонг.

Пронзительный визг металла окутал Красный Дом знаком бед.

* * *

Нет для цепаря более умиротворяющего звука, чем басовитый рокот работающего кузеля. Мерный, привычный шум, вызывающий легкое дрожание сделанных из ильского сплава переборков, он проникает в самую душу, наполняя ее спокойствием и уверенностью: все хорошо, цеппель идет по курсу и его системы в порядке. Никакой опасности, никаких чрезвычайных ситуаций, и сотни метров до земли так и останутся цифрами, не разверзнутся зияющей пропастью и не поглотят

воздушный корабль.

Мерный шум дарит умиротворение.

Паротурбинный кузель – главная силовая установка цепеля, а потому цепари прислушиваются к нему всегда. Инстинктивно. Именно к кузелю, а не к работе вынесенных в мотогондолы тяговых электродвигателей. Установленные на боках сигары, они притягивают взоры пассажиров и зевак, попадающих под гипнотическое обаяние бешено вращающихся винтов. Но мало кто из штатских вспоминает, что питает двигатели, а значит – разгоняет пропеллеры, – именно кузель. Среди штатских мало настоящих знатоков. Ведь что для них цеппель? Обыкновенный дирижабль, оснащенный сложным, умеющим создавать межзвездные переходы астрингом. Что для них небо? Головокружительная высота, по которой проложен путь. Что для них рокот кузеля? Противный шум. И мало кто из штатских задумывается над тем, как работает астринг и сколько приходится платить управляющему им астрологу. Мало кто знает, как тяжело «читать» небо, «седлать» попутные потоки и уклоняться от встречных. Мало кто понимает значение кузеля.

Штатские не понимают вещей, из которых складывается цепарская жизнь.

И лишь в одном цепари и штатские солидарны: на вопрос, что такое Пустота, и те и другие отвечают одинаково – опасность и страх. Если ты ямауда, то только опасность, но ямаудой нужно родиться...

– Можно? – Капитан распахнул дверь сразу после того, как постучал, и тем наглядно продемонстрировал условность проявленной вежливости. Открыл и немедленно шагнул в каюту, дружелюбно глядя на вскочившего с койки пассажира. – Вальдемар, я за тобой.

– Неужели?

– Когда-нибудь это должно было случиться, чтоб меня манявки облепили! – хмыкнул Вандар. – Мы в точке!

– А я уж думал, ты и этот переход продержишь меня в камере!

– В каюте, Вальдемар, не спорь.

– В камере.

– Мы так договорились.

– Знаю. – Обитатель каюты-камеры вздохнул. – Но путешествие оказалось до ужаса скучным.

Вальдемару Осчику было около тридцати стандартных лет, и его лицо еще не украсили складки зрелости. Короткие светлые волосы, выпуклый лоб, открытый взгляд больших голубых глаз, в которых почти всегда сверкали веселые огоньки, приятная улыбка, ямочка на подбородке – внешность позволяла Осчику завоевывать расположение людей, и он умело ею пользовался. Фигура тоже не подкачала – не атлетическая, но и не раздавленная, соразмерная, а все движения молодого мужчины дышали энергией и напором.

Одевался Осчик со вкусом, и на фоне капитана, облаченного в потертую тужурку, фуражку без эмблемы, несвежую

рубашку, черные брюки и довольно пыльные ботинки, Вальдемар выглядел настоящим щеголем. Изысканный дорожный костюм из тонкой шерстяной ткани, белоснежная сорочка и блестящие туфли – создавалось впечатление, что Осчик не в опасное путешествие отправился, а совершал турне по цивилизованному миру.

– Остался один переход, – сообщил Вандар. – Если хочешь, можешь провести его на мостике.

– Хочу, – не стал скрывать Осчик. – Тем более что твоя паранойя уже дала плоды: я понятия не имею, на какой планете мы находимся.

– Не паранойя, а предусмотрительность, чтоб меня маньяки облепили. – Капитан усмехнулся. – Теперь я уверен, что за нами не следят.

– Кто? – с деланным простодушием осведомился Вальдемар.

– Твои друзья.

– Мы ведь договорились – никакой слежки.

– И я уверен, что соглашение соблюдено.

Жак Вандар проигрывал Вальдемару не только в одежде. Капитан был гораздо старше пассажира – не так давно ему стукнуло пятьдесят, – и его круглое, как у большинства дунбегийцев, лицо носило отметины перенесенных цепарем невзгод. Четыре мелких шрама на щеках и лбу – следы осколков, небольшой рубец на шее – память о вемкайской язве, желтое пятно на левой скуле, оставленное кретонской

проказой – Вандар вдоволь попутешествовал по Герметикону и много чего пережил. Но даже без этих знаков лицо капитана было неприятным. Низкий лоб тяжело нависал над маленькими, глубоко посаженными, да еще и скрытыми густыми бровями глазками. Толстый нос, напоминающий покрытую сетью голубых прожилок картофелину, располагался меж обвисших щек. Прямо под ним была прочеркнута полоска тонких губ, а круглый подбородок плавно сливался со вторым и третьим. Вандар был толст, казался рыхлым, однако в действительности все еще обладал впечатляющей силой и запросто вязал в узлы железные прутья.

– Когда мы войдем в точку перехода?

– Мы уже в ней, – ответил Жак, первым ступая на капитанский мостик. – Луи?

– Все в порядке, кэп, – отозвался рулевой.

Командный пункт «Черного Доктора» был не просто большим – огромным, поскольку построившие цеппель галаниты считали, что мостик должен быть обязательно объединен с кабинетом астролога и радиорубкой. В итоге на стоящем в левом углу столе вперемешку валялись астрологические атласы, карты и даже навигационные приборы – сейчас ими занимался Петер Хеллер, исполнявший на «Черном Докторе» роль старшего помощника, а справа громоздился шкаф рации, у которого скучал длинный парень в комбине-зоне техника.

– Как видишь, Вальдемар, до прыжка осталось всего ни-

чего. – Вандар потер ладони и с улыбкой посмотрел на Ос-
чика: – Нервничаешь?

– Как и все, – хмуро ответил Вальдемар. – У тебя есть
выпить?

– На мостике не держу. – Капитан взялся за переговорную
трубу: – Астролог!

– Все готово.

– Так начинай, чтоб меня манявки облепили! Чего
ждешь?!

И включил сирену.

Переход – это Пустота. А Пустота – это страх.

Эту аксиому любой цепарь вызубривает уже в первом же
путешествии. А если достаточно умен, то еще раньше, пото-
му что встречать Пустоту надо подготовленным. В этом слу-
чае ее удар не оглушит и не заставит завязать с полетами.

Во время перехода трясутся все: и прожженные цепари,
и пассажиры, и даже ямауда, хотя эти, последние, испыты-
вают не столько страх, сколько чувство тревоги, порожден-
ное подстерегающими в Пустоте опасностями. Что толку во
врожденных способностях, если в корабль вцепится «рога-
тый клещ» или его накроет «злая путина»? Штатские
ненавидят переходы, входят в Пустоту напряженными, зара-
нее готовясь к дикой ее атаке, а потому их накрывает и чаще,
и сильнее, чем опытных цепарей, для которых ужас велико-
го Ничто – естественная часть жизни. Цепарь тоже боится,

его тоже долбит ощущение пустой безбрежности и накрывает Знаками, но цепарь не забывает о правилах и чувствует себя членом команды. Цепарь – существо коллективное, и локоть друга позволяет ему переживать переходы куда спокойнее, чем случайному гостю Пустоты.

– Спасибо, что позвал, – хрипло произнес Вальдемар после того, как цеппель втянуло в воронку.

– Всегда пожалуйста, – отозвался Вандар.

– Проводить переход в одиночестве – удовольствие невеликое.

Запертая дверь каюты гарантирует, что Знак не заставит тебя прыгнуть за борт, но как бороться с огромным весом Ничто? Как бороться с инстинктивным страхом гигантского и опасного пространства? Как не сойти с ума под тяжестью того, чего нет? Напиваться опасно – пьяную голову накрывает сильнее, чем трезвую, вот и приходилось Осчику собирать волю в кулак, руками вцепляться в кроватные стойки, а зубами – в подушку, и в таком неприглядном виде переживать переходы, отсчитывая про себя убегающие в никуда секунды.

– С вами, ребята, куда спокойнее, чем одному, вы уж мне поверьте. А еще я не завидую астрологу. Вот уж кому несладко...

От сидящего у астринга астролога сейчас зависит все. Все на свете и ни капель меньше. Именно он, набросив швартовочный «хвостик» на планету или Сферу Шкуровича, тянет

цеппель через тонюсенький тоннель, невообразимой длины. И если команда просто наслаждается «прелестями» Пустоты, то астролог в них захлебывается, поскольку обязан оберегать корабль от дополнительных сюрпризов и зорко следить за тем, чтобы цеппель пришел туда, куда запланировано.

– Я так и вижу, как парень горбится над астрингом и за уши тянет нас от одной звезды к другой, – продолжил Осчик. – Удивительное, но очень опасное занятие. В детстве я мечтал стать астрологом. Я находил их работу романтической, а потом узнал, как часто они пускают себе пулю в лоб, как жрут после переходов бедовку и бегают по ведьмам...

– Вальдемар, заткнись, – попросил Вандар.

– И я понял, что профессия астролога мне не нравится. И тогда я решил прославиться другим способом, благо я смог получить блестящее образование, которое вам, уродам, и не снилось. Но как прославиться? На Галане есть только один критерий славы – счет в банке. Гребаные адигены гордятся какой-то там честью, у нас же в почете прагматизм. Если о тебе знают все – делай на этом деньги. А если не умеешь делать деньги – кому ты нужен?

– Вальдемар!

– И тогда я решил стать богатым. Не просто богатым, а очень богатым человеком. Деньги – это власть, а если у тебя есть власть, славу можно купить. Заплатить газетчикам, чтобы они выдумали несуществующие подвиги, или нанять

толкового, но нищего алхимика, а после прикарманить его открытие, войти в учебники...

– Он «говорилку» поймал, – отрывисто бросил Хеллер.

– Вижу.

Капитан посмотрел на часы: четыре минуты перехода. Предел – четырнадцать, среднее время – девять. Пяти минут более чем достаточно для глупостей, а «говорилка» лишь с виду безобидная, человек ведь не просто так треплется, он заводится. Пиявкой разбухает от ненависти к себе и бросается в Пустоту, мечтая покончить с проблемами самым простым способом.

– Гребаный мир! – взревел Вальдемар. – Я мечтал стать астрологом! Мечтал водить цеппели и совершать подвиги! А вместо этого якшаюсь с подонками ради вонючего золота! Я мечтал прославиться! Мечтал об открытиях! А превратился в бухгалтера! Как же я все ненавижу!

Пустота давит на голову, но вялым становится все тело. Каждое движение – как во сне. Поднять руку – задача, сделать шаг – процесс. Но те, кого накрыло Знаком, таких проблем не испытывают, они быстры и подвижны, они позабыли о великом Ничто, растворились в нем, а потому остановить их крайне сложно.

– Ненавижу!

Вальдемар бросился к окну.

– Ублюдок!

Вандар промахнулся, слишком поздно рванулся напере-

рез, не поймал шустрого галанита и врезался в кресло. Рулевой даже не обернулся, не стал тратить силы на пассажира – своя шкура дороже, и ситуацию пришлось спасать Хеллеру. Старпом добрался до Осчика в тот самый миг, когда Вальдемар заносил для удара ногу. Стекла в гондоле мощные, на серьезные нагрузки рассчитаны, однако силы у накрытых прибавляется в разы, и Осчик вполне мог выбить боковое окно. Или не мог? Но рисковать Хеллер не собирался.

– Ненавижу!

Старпом перехватил летящую к стеклу ногу и повалил галанита на пол.

– Не выпускай! – приказал Вандар.

– Сам знаю, – прохрипел Хеллер.

– Всех убью! – надрывался Осчик, ужом вертясь под навалившимся Петером.

Семь с половиной минут... Поднявшийся капитан взглянул на часы, а в следующий миг вновь оказался на полу – когда запущенная астрингом сила вышвыривает цеппель из перехода, Пустота отвешивает ему прощальный пинок.

«Черный Доктор» издал зловещий скрип: металл о металл, но удержался, не «нырнул», не стал добавлять экипажу проблем, а потому неприятный звук показался цепарям очень даже задушевным.

– Вовремя. – Вандар, кряхтя, привстал, почесал ягодицу и посмотрел на поднимающегося старпома. – Этот отрубился?

– Ага.

Знак – это нокаут, и Осчику потребуется не менее двух часов, чтобы прийти в себя.

– Распорядись, чтобы его отнесли в каюту.

– Слушаюсь.

Капитан брезгливо покосился на бесчувственного Вальдемара, выругался, вновь потер ушибленную ягодицу и подошел к рулевому:

– Докладывай.

– Высота четыреста метров. Ветер встречный, умеренный. Мы движемся на северо-запад со скоростью десять лиг в час.

– Мы долетели! – Вандар широко улыбнулся набегающим на лобовое стекло облакам. – Мы на Ахадире, чтоб меня манявки облепили! На Ахадире!

Глава 2

*В Красном Доме льется кровь, а
позабывшие обо всем счастливчики
придумывают друг другу имена*

Смерть безвестного офицера выбила выживших из колен. Даже не сама смерть, а ее страшные, не укладывающиеся в голову обстоятельства. Ее облик. Ее Знак. Ужасающий вид вросшего в камень человека и понимание того, что на его месте мог оказаться любой из них, обрушились кошмарным грузом. Каждый из выживших примерил участь несчастного на себя, и каждый похолодел от страха. И счел пережитую катастрофу пустяком, потому что там, в Пустоте, смерть казалась естественной, там ее ждали и не задумывались над тем, какой она будет и что с ними станет в ее объятиях.

А когда увидели, на что способно великое Ничто, – задрожали.

До обнаружения офицера выжившие занимались только тем, что было действительно важно: приходили в себя, помогали, успокаивали и поддерживали друг друга, бессознательно отгородившись от реальности глухим забором. Не думая о том, где оказались и что с ними произошло. До обнаружения офицера выживших вели инстинкты, а теперь они дали волю чувствам.

Каждый по-своему.

Высокая девушка с короткими, пребывающими в полном беспорядке белокурыми волосами, та самая, которую выбросило из Пустоты обнаженной, держалась тихо. Она старательно закуталась в кожаную цапу лысого мужчины, уселась на камень и низко опустила голову, стараясь не встречаться взглядами с остальными. Если и рыдала, то беззвучно. А вот синеволосая спорки закатила шумную истерику. Тоненькая, хрупкая, она выглядела самой юной из выживших, самой уязвимой, и, видимо, такой была. Синеволосая не сумела побороть свои страхи. Минут десять она всхлипывала, размазывая по щекам слезы, а потом завопила и принялась бить кулачками по ближайшему камню, умоляя о помощи. Кого умоляя? Неизвестно. Она просто хотела, чтобы ее спасли. Громкие крики летели над рекой, отражались от скал и яростно вгрызались в товарищей по несчастью. Ко-

которые отводили взгляды. На помощь синеволосой пришла лишь третья девушка – холодная красавица, одетая в элегантный брючный костюм. Она уселась рядом с юной спорки, обняла ее за плечи и стала что-то шептать. Скорее всего – банальный набор утешающих фраз, но он сумел погасить эмоциональную вспышку. Ведь когда плохо, такого понятия, как банальность, не существует. Важны лишь участие и поддержка.

Рыжий мужчина отошел к берегу узкой, но необычайно быстрой речки и принялся швырять в воду камешки. И не прервал своего занятия, даже когда завопила синеволодая. Мужчина-спорки улегся под кустом, демонстративно повернувшись к товарищам спиной, и сделал вид, что уснул. Что же касается лысого, то он скрылся за большим камнем, решив прогуляться вверх по течению.

Смерть офицера окончательно отрезвила выживших, напомнила, в какой ситуации они оказались, и одновременно разрушила первые ростки объединения. Смерть офицера заставила каждого из них спрятаться в собственной раковине, и это отчуждение длилось почти сорок минут.

А потом вернулся лысый.

Он вышел из-за камня, медленно протопал через поляну, храня на лице невозмутимое выражение, и остановился рядом с белокурой.

– Все в порядке?

Лучшим ответом на столь идиотский вопрос стал недо-

уменьный взгляд. Изумленная девушка не смогла подобрать слов, и ей на помощь пришла обладательница брючного костюма.

– Да, все замечательно, – саркастически бросила она. И с издевкой добавила: – Через двадцать минут подадут чай.

Белокурая дернула плечом, синеволосая судорожно вздохнула, а лысый усмехнулся:

– Агрессия – это хорошо.

Это эмоция, живое восприятие происходящего, крайне необходимое сейчас, чтобы разогнать тоскливую безучастность. Лучше злость, чем тупая покорность судьбе.

– Ты, кстати, приглашен, – нахально закончила обладательница брючного костюма. – Иди, мой руки.

Лысый хотел рассмеяться, хотел продолжить диалог, к которому прислушивались все, без исключения, выжившие, но в этот момент подала голос белокурая.

– Я в порядке, – тихо произнесла она. – Спасибо за цапу.

– Пожалуйста.

Кожаная цепарская куртка не доходила высокой девушке и до середины бедер, а потому ей приходилось периодически поправлять полу, прикрывая обнаженные ноги. Поправлять резким, очень нервным жестом, который не укрылся от внимания лысого. И этот жест показывал, что белокурая еще не успокоилась.

– Мне неудобно, – призналась она, поймав сочувственный взгляд мужчины.

– Как неожиданно! – не смолчала обладательница брючного костюма. – А нам показалось, что неудобство у тебя вызывает лишняя одежда.

Белокурая вновь понурилась – укол язвительной девушки задел ее за живое.

– А тебя здесь сколько? – Лысый медленно обернулся и холодно посмотрел на нахальную обладательницу брючного костюма.

– Что? – растерялась та.

– Почему ты говоришь «нам»? Кому это – «нам»? Кому еще, кроме тебя, что-то там показалось?

– Не твое дело.

– И не твое тоже, – грубовато отрезал мужчина. – Тебя не касается то, чем занималась эта девушка до катастрофы.

– Все видят, что она...

– Ты девственница?

Яростные взгляды скрестились длинными клинками. Чувствовалось, что нахалка не привыкла отступать, что у нее на языке вертится дерзкая фраза, но... Но душой она не была и сообразила, что нарвалась на серьезного противника.

Фигура у лысого была самая что ни на есть простецкая: плотный, широкоплечий, с короткими толстыми руками и короткими толстыми ногами – на первый взгляд он казался подавшимся в цепари крестьянином. Тем более наряд соответствовал: широкие штаны с накладными карманами, толстый свитер, потертая кожаная цапа, отданная сейчас бело-

куррой, да грубые башмаки. Технарь или вообще – палубный, одним словом – простолюдин. Но при взгляде на лицо мужчины впечатление кардинально менялось. Выпуклый лоб, нос с горбинкой, острый, чуть выступающий вперед подбородок, и умные, серо-стального цвета глаза – все эти черты не просто подсказывали, а прямо-таки кричали: не прост лысый, совсем не прост. Человек с таким лицом палубы мыть не станет, его дело приказы отдавать да принимать решения. Человек с таким лицом всегда оставляет за собой последнее слово.

– Не твое дело, – буркнула нахальная.

– Вот именно, – кивнул лысый и ободряюще посмотрел на белокурую.

Та вздохнула:

– Я не виновата, что авария застала меня... э-э...

Она не знала, как продолжить, и мужчина подсказал:

– В неподходящий момент.

– Да, – выдохнула белокурая.

– Но теперь у нас возникла проблема, – мягко продолжил лысый. – Мы не знаем, на какой планете оказались и будут ли нас искать. Мы в горах, и нам, возможно, придется по ним идти. И, возможно, ночевать...

– Здесь? – не сдержался рыжий.

Он давно перестал бросать камешки, а после того, как лысый завел разговор о проблемах, повернулся и слушал очень внимательно.

– Может, здесь, а может, и в другом месте, – пожал плечами лысый. – Об этом нам еще предстоит поговорить. Пока же я пытаюсь объяснить нашей белокурой знакомой, что одна моя цапа ее не спасет: по горам босиком не ходят, и с голыми ногами на земле не спят. Нужна одежда.

– Ты отыскал магазин? – осведомилась нахалка.

– Можно сказать и так, – усмехнулся лысый, внимательно глядя на белокурую. – Там, за камнем, есть одежда. К сожалению, мужская: пальто, пара рубашек, брюки, жилет, пиджак, белье...

– Откуда? – Спорки перестал притворяться спящим. Повернулся и сел, вперившись взглядом в лысого. – Что за одежда?

– Я нашел двух мертвых и раздел их, чтобы ты смогла подобрать себе вещи, – спокойно произнес тот, обращаясь исключительно к белокурой. А затем повернулся к синеволосой и без всякого смущения закончил: – Тебе я посоветовал бы взять пиджак: в платье ты замерзнешь.

Девушка всхлипнула.

– Омерзительно! – Обладательница брючного костюма зло хохотнула, но развивать мысль не стала.

Потому что отвратительное по своей сути предложение было прагматичным и правильным. Спасатели могли заявиться через двадцать минут, а могли не прилететь вовсе. Никто из выживших не знал, сколько времени им предстоит провести в горах, и оставаться в такой ситуации без одежды

было для белокурой равносильно самоубийству.

Она это понимала. И все остальные понимали, даже нахалка, которая, бросив свое «Омерзительно!», хрустнула пальцами и отвернулась.

Белокурая жалобно посмотрела на лысого:

– Я боюсь мертвых.

– Я их раздел и отнес к лесу. На берегу тебя ждет только одежда.

– Спасибо.

– Не за что.

Белокурая вопросительно посмотрела на синеволосую, та, поколебавшись, кивнула, поднялась, и девушки отправилась за камень. А трое оставшихся уставились на лысого:

– От чего они умерли? – угрюмо спросил рыжий.

– Задохнулись.

– Здесь?

– Или в Пустоте.

– То есть ты допускаешь, что они могли задохнуться здесь? – уточнила нахалка.

Ей очень хотелось поддеть лысого, но у нее опять не получилось.

– Я уже видел такое, – задумчиво произнес мужчина. – Людям кажется, что они еще в Пустоте, что они не могут дышать, и, если не привести их в чувство, они умирают.

– Но это невозможно.

– У Пустоты длинные щупальца.

– Ты много путешествовал? – кашлянув, поинтересовался спорки.

– Похоже на то, – согласился лысый.

– Может, ты знаешь, где мы оказались? – Нахалка сделала все, чтобы ее голос прозвучал спокойно, однако не совладала с нервами, и последнее слово прозвучало слишком высоко.

– Солнце желтое, притяжение нормальное или почти нормальное, растения незнакомые. Слишком мало информации для выводов.

– А когда будет много?

– Тогда я скажу, куда нас занесло.

– Ты скажешь? – недовольно спросил рыжий.

Ему не понравилось, что лысый назначил себя лидером.

– Да, я скажу, – пообещал мужчина. Он говорил уверенно, спокойно и слегка расслабленно, отчего фраза прозвучала несколько издевательски. – Но если вдруг выяснится, что ты определил наше местонахождение раньше меня, я разрешаю тебе поделиться информацией.

– Ты мне разрешаешь?

– Да.

У рыжего заходили желваки.

Он был очень худ, однако неказистым не казался, скорее – подтянутым. Не доходяга, а не чуряющийся спорта мужчина, внешне хилый, в действительности – твердый. Черты его узкого, необычайно вытянутого лица не отличались благородством: обычный нос, обычный рот, обычные скулы, и

даже большие зеленые глаза терялись в этом флере обыденности, завершенном дешевым костюмом и недорогой рубашкой. Мужчина мог остаться незаметным в любой толпе, мог с полным правом претендовать на звание настоящего невидимки, но... Но природа решила позабавиться и сделала зеленоглазого ярко-рыжим. Причем не просто ярко, а ЯРКО. Его ресницы и волосы были насыщенного медного цвета, а все не скрытые одеждой части тела – лицо, шею и руки – покрывали многочисленные конопушки. Такие люди частенько вызывают у окружающих улыбку, пусть даже и добрую, однако глаза мужчины смотрели столь холодно, что отбивали всякую охоту шутить. Чувствовалось, что рыжий самолюбив и болезненно воспринимает шпильки в свой адрес.

– Ты решил, что можешь приказывать?

– Да.

– Так вот, я...

– Вы напоминаете двух обезьян, которые спорят из-за несуществующего банана, – громко бросила нахалка. – Если хотите произвести на меня впечатление, то не деритесь, а раздобудьте кофе.

Третий мужчина захохотал.

Все спорки, за исключением синеволосых выходцев с Ку-ги, отличались уродливой внешностью. Странные черты лица, вызывающие у обычного человека оторопь и отвращение, незаживающие язвы, гноящиеся болячки, фурункулы и струппа на коже – таков был набор поцелуев Белого Мора, детьми

которого являлись нечистые. Но третий из спасшихся мужчин не производил совсем уж отталкивающего впечатления. Он был высок, широкоплеч и подвижен. На его гладкой загорелой коже отсутствовали следы болезни, и лишь уродливая голова выдавала в мужчине спорки. Его череп представлял собой почти идеальный шар, вызывая в памяти характерную форму нарской тыквы. Маленькие черты лица не выступали за окружность, что только усиливало впечатление, а короткая черная щетина, покрывающая всю голову, за исключением лба и щек, наводила на мысль, что тыква не дозрела.

– Чего ржешь? – недовольно поинтересовался рыжий.

– Смешно. – Спорки вытер выступившие на глазах слезы и широко улыбнулся, продемонстрировав крупные желтые зубы. – Девчонка вас поимела.

Лысый промолчал, а потому рыжий тоже сбавил обороты. Одарил нахалку злым взглядом, но развивать скандал не стал. Вместо этого продолжил разговор со спорки:

– Есть мысли, где мы находимся?

– Самое главное, здесь есть, чем дышать, и есть, что пить...

– Пить? – удивилась обладательница брючного костюма. – Что?

– Река, – спорки ткнул пальцем за спину. – Воды у нас полно, а вода – это жизнь.

– Я не собираюсь пить сырую воду из грязного ручья.

– А придется.

– Рано или поздно она перестанет быть привередой, – вздохнул лысый.

– Согласен.

Девушка насупилась.

– Другими словами, я считаю, что мы оказались на весьма дружелюбной планете, – жизнерадостно закончил спорки. – Нам повезло гораздо больше, чем офицеру и тем двоим. Пустота была добра к нам.

– Так же, как Белый Мор? – хрюкнул рыжий.

– Не любишь спорки? – сверкнул глазами тыквоголовый.

– Белый Мор не убил вас, Пустота не убила нас. Но Белый Мор сделал вас уродами, а мы не знаем, где находимся, – объяснил рыжий. – Вполне возможно, что мертвым повезло больше. – Он помолчал, глядя на недовольного спорки, и продолжил: – Ничего личного, приятель, я просто провел параллель.

– Дурацкая параллель.

– Какая есть.

– Не будем ссориться. – Лысый почесал в затылке. – Мы все были в Пустоте. Мы все, как я понимаю, летели на цеппеле...

Пауза. Рука замерла, после чего лысый медленно опустил ее и посмотрел на товарищey.

– Летели на цеппеле, и что? – не выдержала нахалка.

– Не что, а куда, – поправил девушку спорки.

– Мы летели на одном цеппеле? – осведомилась девушка.

– Я тебя не помню, – осклабился рыжий.

– Я не путешествую третьим классом.

– За кого ты себя принимаешь?

– Тихо! – Лысый рявкнул так, что остальные прикусили языки. – Кто-нибудь помнит, куда он летел?

Спорки несмело улыбнулся. Рыжий приподнял бровь и тихо выругался. Обладательница брючного костюма скривила рот, но через мгновение пропищала:

– Я не помню, как меня зовут.

И разрыдалась.

– Врежь ему еще!

– С удовольствием!

Удар. Удар в лицо, в скулу, если быть точным. Во рту появился привкус крови... Нет, привкус крови появился давно, теперь же во рту просто кровь. Много крови, потому что это не первый удар.

– Как же мне нравится избивать этих сволочей.

– К сожалению, это редкое удовольствие.

– Надо наслаждаться моментом.

Удар.

Тихий смешок сзади...

– Это невозможно.

– Так бывает: катастрофа и сильный шок приводят к потере памяти, – произнес лысый и пояснил: – Нам проще все

забыть, чем снова и снова вспоминать пережитый ужас.

– Забыть навсегда?

– На время.

Белокурая тяжело вздохнула.

Мужские брюки едва доходили ей до щиколоток, рукава пальто были коротки, рубашка вылезала из-за пояса, а ботинки оказались слишком велики, но, как ни странно, нелепый наряд добавил девушке шарма. Она окончательно успокоилась, порозовела, и в ее глазах заблестели огоньки. Одевшись, она стала чувствовать себя членом общества, пусть даже и небольшого.

– Но почему мы забыли все, а не только катастрофу?

– Потому что память на аптекарских весах не взвесишь.

– Радуйся, что хоть что-то осталось, – бросила нахалка.

– А что осталось? – возмутилась белокурая. – Я помню только то, что я женщина.

– А Герметикон? А нынешнюю дату? А свой родной мир?

– Что даст дата? – поинтересовался рыжий.

– Если ты ее помнишь, значит, забыл не все, – объяснила нахалка. – И значит, ты вернешься.

– Куда?

– К себе.

Потерпев неудачу в противостоянии с лысым, обладательница брючного костюма не растерялась и стала следить за тем, чтобы ее замечания были продуманными и взвешенными. Этот факт, вкупе с «фирменной» язвительностью, за-

ставлял собеседников прислушиваться к мнению девушки и постепенно вывел ее в число главных заводил компании.

Кроме того, нахалка была ослепительно красива: густые светло-русые волосы, узкое, «породистое» лицо, высокие скулы, огромные зеленые глаза, аккуратный рот с чуть припухлыми, четко очерченными губами – чертами девушка напоминала сказочную принцессу, во имя которой свершались и будут свершаться грандиозные подвиги. И нет ничего удивительного в том, что мужчины охотно поддерживали с ней беседу.

– А когда мы вернемся?

– Когда придет время.

– Я помню о Герметиконе, но понятия не имею, какой из его миров – мой, – грустно усмехнулся рыжий.

– Линга. – Лысый прикоснулся к груди и объяснил: – На мне медальон Доброго Маркуса.

– Мне кажется, я с Кааты, – задумчиво произнесла белокурая. – Но я могу ошибаться.

Когда очередной шок прошел, рыжий, проявив завидное здравомыслие, велел поискать по карманам документы, но бумаг ни у кого не оказалось. Женщины, по всей видимости, предпочитали сумочки, а мужчины – портмоне. Вместо них были обнаружены: плитка жевательного табака – у тыквоголового спорки, три пакетика с подозрительным порошком – в доставшемся белокурой пальто, пистолет и универсальный ключ – у рыжего. Карманы лысого и нахалки ока-

зались пустыми, как замыслы неудачника, а на платье синеволосой их вообще не было. Тыквоголовый спорки, хлопнув себя по лбу, предложил поиграть в ассоциации, надеясь, что какое-нибудь слово станет «ключом», однако затея ни к чему не привела. Нахалка заявила, что идея бредовая, лысый ее поддержал, синеволосая продолжала плакать, и лишь рыжий с белокурой почти десять минут перебрасывались со спорки словами, но зацепиться ни за что не удалось.

Полный провал.

В итоге они вновь собрались в кружок.

– Мы не знаем, кто мы, мы не знаем, где мы, – подвела печальный итог нахалка. – Остается надеяться, что о нас не забыли. Цеппели просто так не пропадают.

– В Пустоте – пропадают.

– Ты оптимистичен.

– Скорее прагматичен. – Лысый покачал головой. – Мы потерпели катастрофу в Пустоте, а значит, нас могло выбросить куда угодно.

– На ту планету, на которую летели, – проворчал рыжий. – Это же очевидно.

– Если вспомнить Тринадцатую Астрологическую экспедицию, то совсем не очевидно, – не согласился лысый. – Но даже предположив, что мы находимся на нужной нам планете, остается вопрос: в каком месте? Сферопорт может оказаться за соседней горой, а может – за тысячу лиг отсюда. И вся эта тысяча лиг представляет собой незаселенные земли.

– Такое возможно? – прошептала синеволосая.

– Вполне, – поморщился тыквоголовый. – Густонаселенных планет мало, а на остальных полно неосвоенных континентов.

На которые никогда не залетают цеппели.

Перспектива навсегда остаться в незнакомом мире заставила синеволосую вздрогнуть. Она тоскливо оглядела мужчин и поинтересовалась:

– Что же нам делать?

– Идти, – хмуро ответил лысый.

– Куда?

– А почему предлагает он? – окрылся рыжий. – Почему наш лысый спутник...

– Если ты еще раз назовешь меня лысым, я тебя убью, – ровно произнес тот.

Очень ровно, очень спокойно, но с такой уверенностью, что рыжий осекся.

– Какой грозный, – хихикнула нахалка. И прищурилась: – Ты что-нибудь имеешь против этого прозвища?

– Я вообще против прозвищ.

– Ничего другого предложить не могу. Ты будешь Грозным. А ты – Рыжим.

– Других забот нет? – хмуро поинтересовался тыквоголовый прежде, чем Рыжий возмутился.

– Мы должны как-то обращаться друг к другу, – поддержала нахалку белокурая. – Ты, например, будешь Тыквой.

Обладательница брючного костюма рассмеялась. А в следующий миг услышала:

– В таком случае, говорливую назовем Привередой, а длинную – Свечкой.

Высокая девушка с копной коротких белокурых волос и впрямь напоминала свечу.

– Ну и пусть.

– А я против!

– А тебя никто не спрашивает, Привереда. – Тыква покорился на третью девушку. – С тобой все ясно, плакса, ты будешь Кугой.

Все синеволосые спорки происходили из этого мира.

– Вот и познакомились, – подытожил Грозный, пресекая возможное продолжение темы. – А теперь...

– И все-таки я не понимаю, почему он командует?

– Потому что я здесь самый умный, – без лишней скромности объяснил Грозный.

– С чего ты взял?

– Я в этом убежден.

Свечка громко рассмеялась. Привереда фыркнула, но вновь нападать на лысого поостереглась. Оба спорки восприняли заявление Грозного без эмоций.

А он, почти без паузы, продолжил:

– Прежде чем перейти к делам, хочу предложить еще одно важное правило: если кто-нибудь что-нибудь припомнит, пусть даже ерунду, не важную на первый взгляд мелочь, он

должен о ней рассказать. Вполне возможно, что вместе мы справимся с амнезией быстрее.

– Я не против, – хмыкнул Тыква.

– Будет зависеть от того, что я вспомню, – предупредила Привереда.

– А у тебя есть чем поделиться? – осведомилась Свечка у лысого. – Если так, подай пример.

Поскольку он сам предложил правило, отступить было нельзя, и Грозный спокойно произнес:

– У меня есть ощущение, что с моей одеждой что-то не так.

Все дружно уставились на цепарский костюм лысого.

– Она тебе велика?

– В самый раз.

– Тогда в чем дело?

– Она неправильная. – Грозный скептически оглядел потертую цапу и грубые штаны. – Чужая.

– В Пустоте тебя переодели?

– Не думаю, – улыбнулся мужчина. – Но одежда кажется мне странной.

– А мне кажутся странными твои украшения, – грубовато произнес Рыжий.

– Какие? – не понял Грозный.

– Те, что прикрыты рукавами.

Грозный задумчиво приподнял бровь, но, к удивлению остальных, промолчал.

– А что у него под рукавами? – не утерпела Привереда.

– Пусть он покажет, – предложил Рыжий.

Грозный, не дожидаясь просьбы, усмехнулся, и медленно подтянул левый рукав цапы, продемонстрировав окружающим поврежденное запястье.

– Синяк? – удивилась Привереда.

– Следы от наручников, – уточнил Рыжий.

– Хня! – не сдержался Тыква.

Куга ойкнула, а Свечка оценивающе посмотрела на Грозного:

– Ты преступник?

– Понятия не имею.

– У тебя следы от наручников, а у меня пистолет в кобуре, – продолжил Рыжий. – Тебе не кажется, что мы как-то связаны?

– Вы оба бандиты? – наивно поинтересовалась Куга.

– Он бандит, – рявкнул Рыжий. – А я его сопровождал.

– Почему ты произвел себя в полицейские? – медленно спросил Тыква. – Возможно, Куга права: вы из одной шайки.

– Тогда почему он был в наручниках?

– Грозного везли на суд, а ты пытался его выручить.

– Идиотизм!

– А вот я согласна считать Рыжего полицейским, – неожиданно заявила Привереда. – Достаточно оценить его манеры и дешевые тряпки. С другой стороны, Грозный – настоящий воин Омута.

– Девочкам нравятся плохие мальчики?

– Девочкам не нравятся уроды.

Рыжий ощерился:

– Не стоит говорить такие вещи при Тыкве.

– Полегче, конопатый, девушка имела в виду твой внутренний мир.

– Спасибо, Тыква, – с чувством произнесла Привереда. – Я знала, что ты меня поймешь.

– Полагаю, пора заканчивать с оскорблениями, – громко сказал Грозный. – Нам есть что обсудить.

– Ты бы помолчал.

– Ты бы тоже, – отрезал Грозный. – Когда все вспомним, тогда и будешь выдвигать обвинения.

– Можно и так, – согласился Рыжий. – Но подчиняться тебе я не стану – потертости от браслетов мешают.

– Грозный с нами в одной лодке, – заметила Свечка.

Ей отчаянно не хотелось признавать лысого бандитом. В конце концов, он был единственным, кто отнесся к ней по-человечески.

– Ты уверена? А если он все вспомнил и хочет нас использовать?

– Как?

– Увести подальше от людей.

– Зачем?

– Ну...

– Рыжий, у тебя есть что-нибудь, кроме обвинений? –

устало спросила Привереда. – Какой-нибудь план или предложение, как нам отсюда выбраться?

– Нет.

– В таком случае заткнись и не мешай говорить Грозному.

– Я хотел предупредить, что ему нельзя верить.

– А тебе?

– Что?

– У тебя есть пистолет, но нет полицейского жетона, – жестко произнесла Привереда, глядя мужчине в глаза. – Тебе можно верить?

Тыква рассмеялся. Свечка, подумав, тоже. И даже Куга несмело улыбнулась. А потом привсталла и пересела ближе к Тыкве. Все правильно: спорки к спорки. Если не знаешь, что происходит, нужно держаться своих.

На поляне стало ощутимо холоднее.

– Я предлагаю остаться здесь, – заявила Привереда. – Если нас ищут, то в первую очередь спасатели отправятся к месту катастрофы.

– Вот именно – к месту катастрофы. – Грозный вздохнул: – Но это не оно.

Они находились на дне извилистого и неширокого, метров сто – сто пятьдесят, каньона, образованного быстрой горной рекой. Красноватые скалы казались неприступными, а у их подножия было достаточно земли для кустарника и деревьев.

– Почему ты решил, что катастрофа случилась не здесь? – поинтересовался Рыжий.

– Обломков нет.

Свечка усмехнулась.

– Хочешь сказать, что цеппель выбросило в другое место? – прищурился Тыква.

– Именно так.

– А-а... – Надо отдать должное: когда ей было нужно, Привереда легко признавала свои ошибки. – Беру свои слова обратно. И готова выслушать другие предложения.

– Нужно идти вниз по течению, – произнес Тыква. Он понял, что Грозный легко отсекает непродуманные предложения и подготовил аргументы: – Во-первых, реки текут с гор, и мы выйдем на плодородные земли, то есть туда, где высока вероятность найти поселение. Во-вторых, мы можем построить что-нибудь плавающее, и это здорово облегчит нам путешествие.

Куга кивнула, показывая, что полностью согласна с умным Тыквой. Однако у Грозного предложение спорки вызвало понятный скепсис:

– Из чего построить?

– Из дерева, разумеется. – Тыква указал на небольшую рощу.

– У тебя есть топор? – с издевкой осведомилась Привереда, сообразив, куда клонит лысый.

Рыжий обидно захохотал. Спорки выругался.

– Лично я отправляюсь вверх по течению, – веско произнес Грозный после того, как вновь наступила тишина. – Ко-

гда я ходил на разведку, то видел за горами дым...

– Или туман? – перебил его Рыжий. – Или облака.

– Я видел черный дым, – размеренно продолжил Грозный, не обратив внимания на замечание Рыжего. – Там что-то горело, и я хочу знать – что?

– Намекаешь, что там мы отыщем цеппель?

– Предполагаю.

– Но если он сгорел, какой смысл к нему идти? – недоуменно поинтересовалась Свечка.

– Место катастрофы, – ответила Привереда. – Если дым видел Грозный, его, вполне возможно, видели здешние обитатели. – И решительно закончила: – Я тоже иду вверх по течению.

– Ему нельзя доверять, – напомнил Рыжий.

Напрасно напомнил, потому что тут же получил в свой адрес фирменный укол нахалки:

– Пока ты швырял в речку камешки и жалел себя, Грозный изучил окрестности и раздобыл Свечке одежду. К тому же он не зовет нас с собой, а значит, мы не особо ему нужны, то есть он в себе уверен. И мне кажется, что с ним будет безопаснее.

– У меня есть пистолет.

– А он умный.

– Я тоже пойду с Грозным, – произнесла Свечка. – Хотя я чувствую, что ему было бы проще без нас.

– Мы тоже пойдем, – пошептавшись с Кугой, сказал Тык-

ва.

Рыжий развел руками:

– Один я не останусь.

* * *

– И что нам делать?

– Вразуми младших братьев.

– На тебя полагаемся...

– На меня? – Глаза Алокаридаса вспыхнули яростным огнем. – На меня?!

Собравшиеся во дворе послушники опустили головы, отвели взгляды, подобно нашкодившим детям, и лишь один из них – всего один! – набрался смелости проямлить:

– А на кого еще, учитель?

Но голову не поднял, поскольку знал, что не прав. Потому что и он, и все остальные послушники Красного Дома прекрасно понимали, что должны делать, но никто из них не горел желанием идти на смерть. Страх сковал младших братьев. Подлый, примитивный страх за свою жизнь, который не смогли выдавить проведенные в святилище годы.

«Все напрасно... – Старый жрец почувствовал злость. – Разве этому я их учил? Разве для этого я был им живым примером? Терпел дикую боль, но ходил прямо, мучился, но не жаловался, дрожал от слабости, но лично проводил длиннющие ритуалы... разве для этого?»

Да, для этого. Для того чтобы сейчас, испытав грешную злобу, справиться с ней и повести себя правильно. Для того чтобы сейчас, в минуту выбора, что делает каждый из младших братьев, подсказать им верный путь. Потому что именно сейчас проверяется все, что сделал он, Алокаридас, в Красном Доме, проверяется его жизнь.

– Все правильно, – хрипло произнес жрец. – Вы должны полагаться на меня. Но рано или поздно Отец призовет меня к себе. На кого вы будете полагаться тогда?

«На кого, дети? Подумайте об этом, устыдитесь проявленной слабости и станьте взрослыми. Сейчас станьте, потому что может случиться так, что другой шанс вам не выпадет».

Поднятая жрецом тревога вывела во двор всех послушников – около пяти десятков юношей и девушек, самым старшим из которых едва исполнилось двадцать. Растрепанные, ничего не понимающие, напуганные, едва успевшие натянуть одинаковые бурые хламиды, они ежились на утренней прохладе, тоскливо ожидая приказов. Они сообразили, что случилось нечто ужасное, однако не представляли, что именно, и неизвестность вызывала у них страх.

У детей.

У младших братьев и младших сестер, собранных со всего Герметикона. У самых талантливых спорки своего поколения.

Кто-то из них станет великим гипнотом, кто-то – тальнеком, а кому-то выпадет честь заменить его, Алокаридаса,

на посту верховного жреца Красного Дома. Их ждет блестящее будущее, их свершения прославят имя Отца, но сейчас они не готовы. Прошедшие инициацию покидали Ахадир, отправлялись во Вселенную, неся Слово Отца, а им на смену приходили следующие ученики – молодые и неопытные. И потому сейчас жреца окружали еще не познавшие объятия Отца щенята, и неуверенность в себе питала их страх так же сильно, как неизвестность.

– Герметикон велик, люди заселили множество планет и продолжают идти дальше, – твердо произнес жрец, и послушники начали медленно поднимать головы, понимая, что услышат важные слова. – Я верю, что однажды Герметикон вырастет до размеров Вселенной. Я верю, что однажды мы разгадаем все ее тайны. Я верю, что так будет. А еще я верю в Отца. Великодушие Его позволило нам жить, мудрость Его позволяет идти вперед. Благодаря Отцу мы покорим все вершины, изучим всю Вселенную, но среди бесчисленного множества планет главной для нас всегда будет Ахадир. Здесь прячется душа спорки. Здесь мы купаемся в благословенном дыхании Отца нашего. И здесь мы не можем себе позволить ни сомнений, ни страха.

Алокаридас чувствовал, что добился своего – послушники устыдились. Осознали недостойную слабость и наполнились решимостью с честью преодолеть ниспосланное испытание. Заканчивая речь, Алокаридас видел не склоненные головы, но горящие глаза, и сердце его пело.

«Спасибо, Отец! Спасибо, что вразумил меня».

– Нет ничего позорного в смущении, в минутной слабости, в сомнении в собственных силах. Позор ложится на тех, кто не способен это преодолеть. Так учит нас Отец. И так учу вас я. – Жрец оглядел послушников. – А теперь мы должны понять, что произошло ночью.

Разобраться в странном и пугающем происшествии, результатом которого стало исчезновение шестерых послушников – четверо дежурили у дверей храма и ворот Красного Дома, а двое находились внутри святого места, но до сих пор не отзывались. Криков или шума никто не слышал, а вот следы борьбы отыскивались, правда, не сразу. Разбуженные жрецом послушники выбежали во двор, и два младших брата, повинуясь приказу Алокаридаса, заглянули внутрь храма. И обнаружили у входа лужу крови.

Собственно, после этого открытия и началось смущение.

Кто проник в храм? Кто убил послушников? С какой целью? Почему именно в храме? На Ахадире не было никого, кто мог желать или мог причинить вред Красному Дому, жрец и послушники привыкли чувствовать себя в полной безопасности, а потому трагедия выбила их из колеи.

Со смущением Алокаридас совладал, однако, произнося свою пылкую речь, жрец впервые в жизни пожалел, что храм не охраняется и никогда не охранялся опытными воинами – тем, кто убивает, разрешалось приближаться к Красному Дому лишь по особому распоряжению Старшей Сестры.

– Нужно посмотреть, что происходит в храме, – громко произнес Алокаридас. Помолчал, и добавил: – Сейчас.

Несколько минут назад такое предложение вызвало бы очередной приступ страха, однако слова подействовали, и почти все послушники шагнули вперед.

– Я пойду, учитель.

– Я пойду.

– И я.

Они поняли. Они устыдились. Они нашли в себе силы, и Алокаридас почувствовал гордость. За них, за своих учеников. И за себя.

Не зря. Все, что было, – не зря.

– Балодак, – тихо произнес жрец, и двадцатилетний юноша с достоинством сделал еще один шаг вперед.

– Спасибо, учитель.

Любимец, если не сказать – любимчик. Самый талантливый ученик, главная надежда Алокаридаса. Старик, вопреки установленным в Красном Доме правилам, выделял Балодака, хотя и знал, что укрыть такое обращение от остальных послушников невозможно. Ну, что же, кому много давалось, с того и спрос выше. Теперь, младший брат, ты рискнешь жизнью, чтобы доказать, что достоин особого к себе отношения.

– Валуин.

– Спасибо, учитель.

– Фарабах.

– Спасибо, учитель.

Жрец помолчал, глядя на выбранных послушников, после чего медленно проговорил:

– Я думаю, троих будет достаточно.

И во второй раз подряд ощутил прилив гордости – никто из младших не издал вздох облегчения. А некоторые из братьев смотрели на троицу с завистью.

«Это дети твои, Отец! Настоящие твои дети!»

– Что нам делать, учитель? – вежливо осведомился Балодак.

– Пройдите по коридору до зала Первого Чтения, – подумав, ответил Алокарида. – Проверьте все примыкающие помещения. Если никого не встретите, закройте все выходящие из зала двери и зовите нас.

В храме Красного Дома был целый лабиринт коридоров, в том числе и потайных, бесчисленное множество комнат для одиночных медитаций и групповых занятий, а также несколько больших залов. Проверить все закоулки за несколько минут не получится, отправлять внутрь много послушников – слишком большой риск, а значит, необходимо действовать последовательно. Осмотреть часть помещений, закрыть их, после чего продолжить работу.

– Не должны ли мы вооружиться? – спросил Валуин.

Он мечтал стать тальнеком, а потому вопрос прозвучал естественно.

– Чем? – поинтересовался жрец.

– Хотя бы лопатами. – Валуин слегка пожал плечами. – Или палками.

– Или ножами, – добавил Фарабах. – Можно взять на кухне.

Предложение послушников показалось разумным – кровь на каменном полу наглядно показывала, что внутрь проник злой и опасный враг, – а потому Алокаридас кивнул:

– Принесите.

Дождался, когда самые юные братья бросились исполнять приказ, и продолжил:

– Но помните, что вы не воины. – Пауза. – Даже ты, Валуин.

– Да, учитель.

– Ваша сила заключена в другом, однако Отец еще не принял вас в свои объятия. Поэтому будьте осторожны. Я не хочу потерять вас.

– Да, учитель.

Послушники вооружились ножами и палками, взяли в руки фонари, переглянулись и...

– Да поможет вам Отец, – прошептал Алокаридас.

Фарабах открыл дверь и отошел в сторону, Валуин уверенно шагнул в темноту храма, а за ним, чуть помедлив, направился Балодак.

– Что там? Что?

Самые младшие подались вперед, стараясь разглядеть коридор храма, однако на них цыкнули, и порядок быстро вос-

становился.

– Будем ждать, – вздохнул жрец и прищурился на поднявшуюся Амаю. – Будем ждать...

Никогда еще созерцание любимой звезды не приносило Алокаридасу столько грусти.

– Может, распорядиться насчет завтрака? – прошептал ему на ухо брат Чузга.

– Дождемся результатов, – коротко ответил жрец.

– Пока они вернутся, пока затопят плиты... Вместо завтрака получится обед.

Чузга заведовал хозяйственными делами Красного Дома и беспокоился не столько о послушниках, сколько о старом жреце – в возрасте Алокаридаса следовало соблюдать режим.

– Ничего страшного, брат. Поедим чуть позже.

– Хорошо, учитель.

«Какая еда? Какой завтрак?»

Напряжение достигло апогея. Послушники, несмотря на острое чувство опасности, а может – благодаря ему, постепенно приблизились к дверям, за которыми скрылись молодые братья, и жадно прислушивались, надеясь уловить хоть какой-нибудь звук. А поскольку бегавшие за оружием юнцы притащили гораздо больше палок и ножей, чем требовалось смельчакам, многие старшие стояли у храма не с пустыми руками.

«Они готовы умереть, но мне-то нужно, чтобы они жи-

ли...»

Алокаридас тяжело вздохнул и тут же вздрогнул – дверь стала медленно открываться.

– Ах... – Толпа заволновалась.

Вперед? Или назад? Куда? Послушники растерялись, но зычный голос Чузги привел их в чувство.

– Два шага назад! Быстро!

Секундная пауза, а затем привыкшие к повиновению младшие сделали два шага назад.

– Спасибо, – прошептал Алокаридас.

Ответа не последовало: Чузга, не отрываясь, смотрел на двери.

«Кто из-за них появится? Младшие братья? Неведомые враги? Кто?»

Жрец хотел вознести обращение к Отцу, но не успел. Дверь, наконец, распахнулась, и на крыльцо ступил бледный, как мел, Фарадах.

– Там...

– Что? – выдохнула толпа.

– Там... – Фарадах покачал головой и отошел в сторону, освобождая дорогу Балодаку и Валуину.

Они вышли вместе, плечом к плечу, с неподвижными взорами и плотно сжатыми губами. Бледные. Но не дрожащие. Они вышли, и толпа вновь ахнула, потому что Балодак нес голову синеволосой Лериды, а Валуин держал три окровавленные руки.

– Милостивый Отец, за что?

Кто-то застонал, кто-то разрыдался, кто-то даже выругался, но большинство послушников попросту окаменело. Они готовились к тому, что их друзья мертвы, но ужасные доказательства смерти оглушили молодых спорки.

– Лерида! – закричала одна из сестер.

– Закройте двери! – крикнул Алокаридас, его приказ был выполнен с невероятной быстротой.

Младшие братья торопливо свели створки и задвинули тяжелый засов.

– Мы собрали все, что нашли в зале Первого Чтения, – негромко сказал Балодак.

– Их растерзали, – добавил Валуин. – Разорвали на части.

– Там всюду обрывки одежды, – закончил Фарадах. – И кровь.

Над Красным Домом пронесся протяжный стон.

Страх? Или горе? Или все-таки страх?

Алокаридас понимал, что должен действовать быстро и не позволить распространиться панике. Он с трудом вырвал послушников из пучины неуверенности и не хотел терять завоеванное.

– Вы видели, кто это сделал?

– Мы видели звериные следы, – ответил Валуин. – Мне они незнакомы, но у этих зверей есть когти.

– Сюда не заходят хищники!

– Значит, уже заходят!

– Но почему никто ничего не слышал?

– Как прошли они через ворота?

– Стены слишком высоки!

– Ворота тоже были открыты!

И ворота, и двери. Если бы на Красный Дом напали воины, в этом не было бы ничего странного, но хищники... Почему стражники открыли зверям двери? Что их заставило?

Вопросы важные, но ответы придется искать чуть позже. Сейчас же следует отвлечь послушников, необходимо занять их какими-нибудь делами.

Алокарида мрачно посмотрел на Чузгу:

– Займись едой и... и подготовкой к похоронам.

– Да, учитель.

– Подключи побольше младших, – тихо добавил жрец.

– Я все понимаю, – склонил голову Чузга.

– Хорошо... – Алокарида поднял голову, оглядел столь привычную и столь враждебную сейчас стену храма, после чего продолжил отдавать приказы: – Валуин! Возьми нескольких братьев, и попытайся закрыть снаружи все окна. Если звери еще в храме, мы должны их запереть.

– Да, учитель.

– Нам нужна помощь, – едва слышно произнес Балодак.

– Я знаю. – Теперь жрец смотрел на любимчика: – Возьми двух младших и отправляйтесь в поселок. Приведи столько воинов, сколько там будет. И не задерживайся.

Глава 3, *в которой Грозный удивляет умениями, а Вандар и Осчик движутся к цели*

– Как твои ноги?

– Нормально.

– Точно?

– Точно, точно... – Свечка улыбнулась и усталым жестом поправила упавшую на лоб прядь прямых волос. Девушка была подстрижена «под мальчика», в строгом соответствии с последними веяниями анданской моды – длинная челка, короткий затылок, и теперь, ухитрившись более-менее привести прическу в порядок, выглядела гораздо лучше, чем при первом знакомстве. – Если заболят, я скажу.

– Это не шутка.

– Я знаю. – Улыбка у Свечки получалась задорной и заражительной, она даже не улыбалась, а делилась хорошим настроением, даря окружающим частичку душевного тепла. – И еще я тебе благодарна. Давно хотела сказать, да случая не было.

– Не за что, – хмыкнул Грозный.

Путешествовать по горам в негодной обуви – последнее

дело: собьешь ногу, сразу превратишься в обузу, и неизвестно, как спутники на эту неприятность отреагируют. Каблуки дорожных ботинок Куги и Привереды оказались невысокими, при должной осторожности девушки могли справиться с трудной дорогой, а вот со Свечкой так просто не получилось. Доставшиеся ей башмаки оказались на два размера больше, чем требовалось, и Грозному пришлось изрядно потрудиться, чтобы подготовить девушку к походу.

– Можно вопрос? – осведомилась Свечка, когда они по камням перебрались через узкий ручей и, дожидаясь спутников, остановились на противоположной стороне.

– Можно, – сухо вато отозвался Грозный.

Девушка вновь поправила челку и улыбнулась, на этот раз игриво:

– Почему ты обо мне заботаешься?

Она знала, что Грозный видел ее обнаженной, и знала, что хороша. Даже тогда, перепуганная, грязная, только что вывалившаяся из Пустоты, она была хороша: длинные ноги, упругая грудь, ни грамма лишнего жира на бедрах и боках. Свечка прекрасно понимала, что все мужчины отметили ее красоту, и ей было интересно, как ответит на неудобный вопрос Грозный? Ведь он, в отличие от Рыжего и Тыквы, ни разу не бросил в ее сторону ехидную ухмылочку.

Свечка хотела смутить Грозного, потому что пропустивший удар мужчина становится легкой добычей, однако ее надежды не сбылись.

– Ты оказалась в самом уязвимом положении, – объяснил Грозный, бесстрастно изучая задорную улыбку девушки. – Ты могла пропасть.

«А ведь он мог ответить романтичнее...»

Улыбка осталась по-прежнему игривой, однако огоньки в глазах стали тускнеть.

– Неужели?

– Ты – девушка из большого города, Свечка, ты не приспособлена к прогулкам по горам и не умеешь выживать с помощью того, что у тебя есть. Предоставленная самой себе, ты стала бы обузой, стала бы молить о помощи, вить, плакать, взывать к совести и тем вызывать у спутников ярость и раздражение. Нет сомнений, что в конце концов ты вывихнула бы ногу или сбила ее, и тебя с радостью бросили бы под ближайшим деревом, пообещав прислать помощь.

Спокойствие и даже равнодушие, с которыми Грозный произнес свою небольшую речь, потрясли Свечку. Улыбка сползла с лица, а в глазах появился страх:

– Ты бывал в таких ситуациях?

Она вспомнила предупреждение Рыжего и синяки на запястьях Грозного. И теперь пыталась понять, кто перед ней: честный человек, у которого неведомым образом появились характерные раны, или жестокий убийца?

Ответ Грозного сомнений не развеял:

– Я не идеализирую людей, Свечка. Я знаю, на что они готовы ради собственного спасения.

– Знаешь? – встрепелулась девушка. – Ты что-то вспомнил?

– Нет, не вспомнил... Все, что я сказал, основано на понимании, а не на проснувшихся в памяти событиях, – объяснил мужчина. – Я понимаю, что без помощи и взаимной поддержки выживут только сильные, и не вижу необходимости в твоей смерти. И в смерти Куги. И готов потратить время на помощь, чтобы не наблюдать за вашей агонией.

– Ты добрый?

– Я брезгливый.

– Все, больше не могу, – заявила Привереда, перейдя по камням впадающий в речку ручей.

– Тогда оставайся, – зло буркнул Рыжий.

– За языком следи.

– А в чем дело?

– В том, что мы вместе.

– Тогда иди, как все, и не пищи, – отрезал Рыжий, проигнорировав злобный взгляд девушки.

Путники шли цепочкой, но не вместе. Грозный и Свечка оказались шагов на пятьдесят впереди, но оторвались они не специально, просто остальные сознательно отделились от подозрительного здоровяка, и лишь благодарная Свечка составила ему компанию.

– Привал не помешал бы, – робко заметила вспотевшая Куга.

- Мы и трех лиг не прошли.
- Откуда ты знаешь?
- Шаги считаю.
- Зачем? – удивился Тыква.
- Со скуки.

Потому что экзотический горный пейзаж интересен лишь первые десять минут, а потом ты понимаешь, что красиво разбросанные камни мешают идти, любое неосторожное движение может привести к вывиху или перелому, а величественные скалы закрывают горизонт, и ты представляешь свой путь не дальше чем на пол-лиги. Ах да, еще и с кислородом плохо, но путешественники, к счастью, находились не настолько высоко, чтобы возникли проблемы с дыханием.

Мужчины переносили дорогу стоически, лишь иногда отпускали ругательства, Тыква даже поддерживал Кугу на особо опасных участках. Привереда тоже старалась, но было видно, что ей тяжело.

– Думаю, Грозный хочет прошагать десятку, – продолжил Рыжий. – Он парень крепкий.

– Десять лиг? – простонала Куга.

– Мы прошли, сколько сумели, – решительно сказала Привереда. – Рыжий, догони Грозного и скажи, что пора делать привал.

– Сама беги.

Возможно, Рыжий и был полицейским, но вот воспитанием его занимались спустя рукава.

– Тебе лень?

– Экономлю силы, они еще пригодятся. – Рыжий осклабился и повернулся к Тыкве: – Что скажешь о «браслетах» Грозного, а? У тебя было время подумать.

– А зачем мне думать о его «браслетах»? – поинтересовался спорки, вытирая со лба пот.

– Потому что он может оказаться преступником.

– Любой из нас может оказаться преступником, – хмыкнул Тыква. – Как правильно заметила Привереда, полицейского жетона у тебя нет. И ключа от наручников у тебя нет. И самих наручников никто не видел, так что...

– То есть ты не беспокоишься?

– До тех пор, пока не вспомню, кто я такой, мне вообще на все плевать, – честно ответил Тыква. – Нет смысла дергаться. Я могу оказаться царем спорки, а могу – беглым каторжником. Возможно, эта милая девушка – моя наложница. – Он кивнул на Кугу. – Или жена, или мы вообще незнакомы. Мы сочли Свечку шлюхой, но она больше тянет на девственницу, которую вытряхнуло из одежды. Привереда смахивает на адигену, но манерам легко обучиться, а дурной характер ни о чем не говорит.

– Спасибо, Тыква.

– На здоровье. – Спорки зевнул. – Что же касается тебя, Рыжий, то ты можешь оказаться и полицейским, и преступником, и моим телохранителем. И все – с одинаковой вероятностью.

– Красиво загнул, – признал Рыжий. – Какой вывод?

– Наслаждайся тем, что ничего не помнишь, – пожал плечами спорки. – Мы оказались в удивительной ситуации: нам все безразлично. Не зря ведь говорят, что чистая совесть – это признак плохой памяти, вот и пользуйся. Мы никому ничего не должны, и нам никто ничего не должен. Мы абсолютно свободны.

– Непривычная мысль.

– Значит, Рыжий, ты слишком занятой человек. А ты что скажешь? – Тыква с улыбкой посмотрел на Кугу. – Не припоминаешь среди своих друзей красивого спорки?

– Нет.

– Тем лучше. Мы можем начать все сначала.

– А если между нами ничего не было?

– Мы можем это изменить.

– Он к тебе клеится, – усмехнулась Привереда.

– Я заметила, – не стала скрывать Куга. – И, кажется, я к такому привыкла.

Все спорки – уроды. Это жесткое определение прикипело к ним намертво, стало их синонимом, их грязной, но заслуженной кличкой. Уроды. Белый Мор жестоко поиграл со своими детьми, сделав их внешность отвратительной для взгляда обычного человека, но выходцев с Куги ужасная болезнь пожалела. Мазнула по ним кисточкой, навсегда окрасив волосы в синий цвет, и больше не тронула. Более того, Мор сделал так, что спорки с Куги отличались удивительной, тонкой

красотой, заставляющей сердца сжиматься, а души – петь. Синеволосые очаровывали, и даже адигены, случалось, теряли головы от чар этих прелестниц.

– Ну и ладно!

Привереда резко ускорила шаг.

– Ты далеко?

– Поговорить с Грозным насчет привала, – зло ответила девушка. – Вас ведь не допросишься.

* * *

Считается, что миры Ожерелья – самые старые обитаемые планеты Герметикона – похожи друг на друга, как первосортные, только что извлеченные из ракушек жемчужины. И в этом утверждении есть определенный смысл, поскольку в те далекие времена, когда люди заселяли первые миры, путешествуя среди звезд с помощью Вечных Дыр, никакой иной культуры не существовало – только адигенская. Архитектурный стиль того времени современные эстеты любили обзывать «тяжеловесным», высмеивали его в остроумных статьях и рассуждали о необходимости тотального сноса старинных зданий, забывая о том, что именно могучие стены адигенских городов позволили переселенцам закрепиться в новых мирах.

Легкомысленность вообще свойственна людям.

Много воды утекло с тех пор, как Добрые Праведники,

возводившие первые столицы Ожерелья, оставили людей. Много воды, и еще больше крови. Закрылись Вечные Дыры, миновали столетия отчуждения, на каждой планете возникли собственные архитектурные стили, и составляющие Ожерелье жемчужины перестали быть одинаковыми. И если старые города еще сохраняли родовые черты, то сферопорты, эти «лица» планет, ворота и визитные карточки, постоянно расширялись и перестраивались, вбирая в себя приметы всех проходящих эпох. Каатианский Шекберг, к примеру, превратился в лоскутное одеяло, в котором старинные кварталы соседствовали с более поздними, выстроенными в стиле «нуво», а те, в свою очередь, перетекали в хитроумные здания «барсо». Радикальные галаниты перестроили Бей-Гатар в современном стиле, навсегда избавившись от наследия ненавистных им адигенов. А вот на Верзи отдали предпочтение роскошному «энтику», украсив Жерн домами с колоннадами и портиками. Небоскребов в стиле «энтик» не построишь, строения получались приземистыми, не выше десяти-пятнадцати этажей, зато надежными. Как и сами верзийцы.

Надежность вообще была козырем этого мира: во внутренней политике, во взаимоотношениях с соседями, а главное – в финансах. Репутация верзийских банков обеспечивала им непререкаемый авторитет во всем Герметиконе, и каждый человек знал: если хочешь сохранить и преумножить свое золото – неси его верзийцам. Проценты небольшие – а

что вы хотите от консерваторов? – зато выплачены будут точно в срок. И люди несли свое золото верзийцам, потому что...

Надежность, надежность и еще раз надежность.

– Каатианские дукаты? Неплохо, неплохо... – Уличный меняла, владелец малюсенькой, состоящей из одной-единственной комнатухи лавки, внимательно, но не прибегая к алхимическому анализу, изучил серебряные монеты, после чего поинтересовался: – Цехины или верзийские марки?

– Ассигнации.

– Мой курс один тридцать восемь, на один пункт лучше, чем в банке.

– Поэтому я здесь.

А еще потому, что обменивать деньги на улицах Жерна совершенно безопасно. Все финансисты Верзи – и уличные менялы, и владельцы крупнейших банков – были членами Золотой Гильдии и не рисковали плутовать, опасаясь позора и пожизненного отзыва лицензии.

Надежность, надежность и еще раз надежность.

А еще Жерн был единственным сферопортом Герметикона, на улицах которого, как шутили, чаще рычали тигры, чем слышалась нецензурная брань. Тигров провозили в клетках бродячие циркачи, а за ругань вездесущие полицейские выписывали людоедские штрафы, равные недельному заработку квалифицированного рабочего. Это заставляло следить за языком всех: и местных, и пришлых. Цепарь ты или

адиген, честный работяга или бандит – полицейские различий не делали. А сновали они всюду, даже в обязательном для любого большого сферопорта криминальном районе, который в Жерне звался Поднебесьем. И местные боссы Омута воспринимали присутствие стражей порядка как данность: так повелели верзийские дары, а с дарами в адигенских мирах предпочитали не спорить.

Надежность, надежность и еще раз надежность.

Неофициальный титул «главного банка Герметикона» ко многому обязывал, и верзийцы тщательно следили за безопасностью мира, не только быстро раскрывая, но и умело предупреждая преступления. «Сундук» – жернская штаб-квартира верзийской жандармерии, – представлял собой четырехугольное шестиэтажное здание мрачноватого серого камня, внушающее уважение одним только видом. Оно занимало целый квартал и было специально выстроено в адигенском стиле, напоминая древнюю крепость – мощную и несокрушимую. И так же, как и во все древние крепости, в «Сундук» можно было попасть не только через ворота – в него вели многочисленные потайные ходы.

Поворот в неприметный переулок, узенький, но чистенький, тщательно подметенный, несколько шагов и условный стук в дверь: три удара подряд, пауза, еще два удара. Открыли сразу – ждали. И не просто ждали, но точно знали, кто придет, а потому лишних вопросов не задали.

– Вам назначено.

– Я знаю.

А он и не спрашивал.

Охранник тщательно запер дверь, жестом пригласил следовать за собой и указал на лестницу:

– Два этажа вниз, направо и все время прямо.

– Я помню.

Верзийская жандармерия считалась одной из наиболее эффективных служб безопасности Герметикона, соперничать с ней могли лишь лингийская тайная полиция да Департамент секретных исследований Компании. Мощная организация, напрямую подчиняющаяся Палате Даров, жандармерия держала в узде местных воротил Омута, следила за полицией, занималась разведкой, контрразведкой и всеми вопросами, связанными с безопасностью планеты. Служба в ней считалась среди верзийских адигенов делом столь же почетным, как служба в армии, а потому недостатка в кадрах жандармерия не испытывала.

Еще одна дверь и еще один охранник – короткостриженный здоровяк из простолюдинов. На этот раз в форме, поскольку подземный коридор упирался в подвал штаб-квартиры.

– Оружие?

– Нет.

Охранник, судя по всему, был натренирован распознавать ложь – обыскивать не стал, кивнул и указал:

– Третья дверь направо.

Короткий переход по широкому коридору и вежливый стук в дверь.

— Можно?

— Входите.

Вопреки распространенному мнению, подвалы «Сундука» состояли не только из мрачных камер, в которых томились измученные допросами преступники. Были здесь и вполне комфортабельные помещения, предназначенные для тайных встреч с агентами и осведомителями. Обычно такие переговоры проходили на конспиративных квартирах, и агенты получали вызов в «Сундук» лишь в исключительных случаях.

— Добрый день.

— Добрый.

— Чай, кофе?

— Я вижу, что у вас много дел, и не хочу отнимать больше времени, чем необходимо.

— Спасибо за понимание. — Фраза не стала данью вежливости: в голосе прозвучали нотки искренней благодарности.

На встречу с агентом пришли два офицера. Один знакомый — Сол дер Шост, первый заместитель начальника жернского отделения жандармерии. Второй вспомнился по виденной когда-то фотографии в газете: Фердинанд дер Тук, правая рука главы всей верзийской жандармерии. Дер-жались офицеры спокойно, однако их красные глаза показывали, что последние пару суток дер Шост и дер Тук спали

урывками. Если вообще спали.

«Что же случилось?»

– Вас рекомендовали как опытного и чрезвычайно ловкого агента, обладающего широчайшими связями в Омуте, – пробасил дер Тук.

– Благодарю, синьор генерал.

– Обойдемся без чинов и без имен.

– Извините.

Странное, конечно, пожелание, но если дер Туку так удобнее, – пусть будет так. В этой игре правила устанавливает он.

– Возникла серьезная проблема, – взял слово дер Шост. – Задание будет крайне опасным, не совсем по вашему профилю, но выбора нет. Скрывать не буду: мы поднимаем на ноги всех людей, способных оказать хоть какую-то помощь, однако заинтересованы в том, чтобы информация о случившемся не стала достоянием гласности.

– Я не первый год служу в жандармерии, адир, все мои задания были секретными и ни об одном из них не узнали газетчики.

– Вам придется действовать на территории Анданы, – сообщил дер Тук. – Вы ведь знаете этот мир?

– И очень хорошо.

Мир Ожерелья, отделенный от Верзи тремя переходами. Анданийские дары крепко дружили со своими верзийскими родственниками, и тот факт, что жандармы не обрати-

лись к союзникам за помощью, говорил о секретности миссии гораздо больше, чем присутствие на встрече дер Тука.

– В чем заключается задание?

– Необходимо выследить одного нашего ученого, который... – Дер Шост на мгновение замялся. Было видно, что он не первый раз произносит эту фразу, и всякий раз на этих словах его охватывает раздражение. Или злость. – Который решил досрочно прервать действующий контракт. Он покинул секретный научный центр и... и его нынешнее местонахождение неизвестно. Андана – один из возможных миров.

– Что делать, если я его найду?

– Через два дня в Анамарак зайдет с дружественным визитом импакто «Зоркий». В сферопорту он пробудет столько, сколько потребуется. Если вы сумеете отыскать цель – обратитесь к капитану корабля.

– Ученый опасен?

– Крайне опасен. Убит руководитель исследований – профессор дер Жос.

– Гораздо хуже, что наша цель – необычайно сильный гипнот, – добавил дер Тук. – Так что вы должны быть предельно осторожны.

– Спорки?

– Да.

Пауза.

– Нужен только ученый?

– Нет, – ровно ответил дер Шост.

А дер Тук вздохнул.

«Теперь я услышу главное».

– Что вам известно об эрханских мырах?

«Ого!»

– Немного. Естествознание не мой конек.

– Планету Эрхана открыла Третья Астрологическая экспедиция примерно двадцать лет назад. Она находится на задворках Южного Бисера и в настоящий момент является свободной, колонизировать ее никто не планирует. – Дер Тук помолчал. – В том числе потому, что на планете обитают мыры.

– Хищники?

– Романтично настроенные ученые называют их идеальными убийцами, – проворчал дер Шост.

– Есть основания?

– Помимо зубов и когтей, мыры обладают развитыми гипнотическими способностями. И если бы их кровожадность не уравновешивалась ленью, они давным-давно съели бы всю эрханскую фауну. – Дер Тук пристально посмотрел на агента. – Примерно семь лет назад Палата Даров санкционировала проведение исследований этих... гм... редких животных. Тайное исследование, как вы понимаете. Мы хотели отыскать способ их... гм... приручения.

– Верзи хочет колонизировать Эрхану?

– Верзи хочет приручить мыров.

«Идеальные убийцы с гипнотическими способностями... Такие зверюги пригодятся и армии, и жандармерии».

– Насколько я понимаю, попытки предпринимались не только у нас.

– Совершенно верно. Мыров пытались приручить все, но лишь профессор дер Жос ухитрился отыскать ключ. Он разработал сложную методику воздействия на мозг молодого мыра, которую должен был осуществлять опытный гипнот. Эксперимент длился два года и завершился успехом. Гипноту удалось взять мыров под контроль.

– А потом он сбегал и прихватил с собой новых друзей. Шесть особей.

На стол легла фотография цели.

– Вот тот, кто нам нужен.

– Приметное лицо.

– Но оно тщательно скрывается.

– Приметное лицо и этот большой «багаж» – отыскать нетрудно.

– Мы тоже так думали, однако ошиблись. Гипноту помогают. – На столе появилась еще одна фотография. – Бегство было прекрасно организовано.

Профессионал из Омута, гипнот и шесть хищников. Задание действительно непростое. Но самое интересное заключалось в подписях под фотографиями, из которых следовало, что...

– Получается, профессор дер Жос пал жертвой слепой

отцовской любви?

Дер Шост угрюмо кивнул. Судя по всему, у него это обстоятельство тоже вызывало удивление. Смешанное со злостью.

– Вы сентиментальны? – Дер Тук поднял брови.

– Нет.

– Вот и хорошо. Отправляйтесь на Андану и выследите эту парочку.

** * **

– Мне было непередаваемо, невероятно хорошо, – негромко продолжила Свечка. – Можно сказать, я познала истинное блаженство.

Она говорила медленно, не скрывая довольную улыбку, но при этом не смотрела Грозному в глаза. То ли стеснялась, то ли просто не хотела.

– Катастрофа произошла в момент оргазма, и все мои чувства, и без того возбужденные, были усилены в тысячу или миллион раз. Я сама превратилась в оргазм, понимаешь? – Короткая пауза. – Нет, ты не понимаешь. Ты и представить себе не можешь, что чувствует женщина рядом с хорошим мужиком, но то, что досталось мне, было в миллиард раз великолепнее. Наслаждение в Пустоте оказалось настолько острым, что мне не хотелось возвращаться. – В глазах Свечки вспыхнули яркие огоньки. – Я не думала о смерти, не бо-

ялась ее и не понимала, что она есть, ибо утонула в удовольствии. Пустота стала сладким повидлом, обмазала меня с головы до ног, всосалась внутрь, стала мной, стала моим оргазмом и зажгла так, как никогда раньше. И если бы не вы, я получила бы в подарок вечность, полную чистого удовольствия.

– Смерти не было? – заинтересованно уточнил Грозный.

– Только экстаз.

– Тебе повезло.

– Не совсем. – Губы Свечки дрогнули, почти скривились, как от боли. – Ведь мне хочется вернуться.

– Но ты понимаешь, чем это закончится.

– Понимаю, – согласилась девушка. – Но не знаю, как буду жить дальше. Меня тянет...

– Пройдет время, и воспоминания потускнеют.

– Только не эти.

– Хорошее забывается быстрее, чем плохое.

– Это не хорошее, – тихо ответила Свечка. – Это сверхъестественное, а потому – незабываемое. – Она вздохнула, словно говоря: «Да ничего ты не понял!», улыбнулась и почти весело спросила: – А что видел ты?

И Грозный, к некоторому удивлению девушки, кокетничать не стал.

– Я растерялся, – честно ответил он.

– И все?

«Какая ерунда: растерялся!»

– Да как тебе сказать... – Он потер затылок. – Я ничего не помню о себе, не знаю, кем был и каким был. Время в Пустоте – единственный мост ко мне настоящему. Точнее – ко мне прошлому. Я знакомлюсь с собой, снова и снова прокручивая в памяти свое поведение в Пустоте, анализируя свои чувства, эмоции... Я совершенно точно помню, что не боялся смерти. Или думал, что не боюсь смерти. Или даже хотел...

Грозный замолчал.

– Хотел умереть? – участливо спросила Свечка.

– Судя по всему, я так часто думал о смерти, что мысль потеряла остроту. Я считал, что останусь спокойным до конца, а потом... растерялся. Я пытался разговаривать с Пустотой, задавал ей вопросы, говорил, не переставая, как спятивший граммофон. Я растерялся. И помню, мне стало стыдно.

– Ты мечтал о смерти...

– Возможно, – признал Грозный.

– А там, в Пустоте, вдруг понял, что не хочешь умирать, – мягко продолжила девушка. – Что же в этом постыдного?

Мужчина прищурился, но промолчал, не мешая Свечке говорить.

– Ты не помнишь ничего из прошлого, не знаешь, почему мечтал о смерти, но достойно встретил Пустоту, и... И ты ее победил.

– Что?

– Ты не растерялся, Грозный, – улыбнулась девушка, беря

мужчину за руку. – Ты настолько силен, что даже на самом краю продолжал думать и анализировать. И ты понял, что спешил не туда. Ты разобрался в себе, Грозный, тебе невероятно повезло.

– Разобрался и обо всем забыл?

– Ты вспомнишь. – Свечка мягко провела ладонью по его щеке. – Ты ведь сильный.

– Не помешала?

Громкий женский голос прозвучал совсем некстати, но Свечке хватило выдержки не отдернуть руку. Она медленно повернула голову, посмотрела на стоящую в трех шагах Привереду и неспешно ответила:

– Нет.

Грозный же на появление нахалки вообще никак не среагировал: продолжил напряженно смотреть на Свечку, словно ожидая продолжения разговора.

– Обнимаетесь?

– Болтаем.

– Секретничаете? – Привереда приблизилась на пару шагов.

– Нет.

Свечка опустила руку, Грозный усмехнулся.

– О чем не секретничали?

Упорство, с которым Привереда возвращалась к этой теме, говорило об одном: подсмотренная сценка выбила ее из колеи. То ли жест Свечки оказался слишком неожиданным,

то ли слишком неприятным, но факт оставался фактом: Привереда на какое-то время потеряла контроль над собой.

– Так о чем вы шептались?

– О том, что вы не доверяете Грозному, – легко ответила Свечка. – Пошли на поводу у Рыжего, о котором тоже ничего не знаете, и раскололи команду.

– Мы никогда не были командой.

– Мы стали, оказавшись здесь.

– Допустим, – сдалась Привереда. И покосилась на Грозного: – Тебя это беспокоит?

– Когда я очнулся, меня беспокоили ребра. Я их проверил и выяснил, что переломов нет. С тех пор все в порядке.

Свечка рассмеялась, Привереда порозовела, но сдержалась.

– Я видела, как ты снимал одежду.

– Теперь я буду тебе сниться, – прокомментировал Грозный.

– Не слишком ли ты о себе возомнил? – не стерпела Привереда. – В конце концов...

– Что бы я о себе не возомнил, это я возомнил о себе. И тебя никто не заставляет слушать.

Свечка думала, что резкая отповедь вызовет скандал, что Привереда обязательно ответит лысому, но та лишь вздохнула:

– Я всего лишь хотела сказать, что у тебя очень дорогой тельник, Грозный. Цапа потертая, свитер грубый, а тельник

– из маринорского батиста с изящной ручной вышивкой.

– И что это значит?

– Ты – адиген.

– Или я ограбил адигена.

– И повесил себе на шею его золотой медальон с Добрым Маркусом? Не смей меня. – Привереда оправилась от удара и вернулась к ироничному тону. – Ты ничего не помнишь, но характер не изменишь. Я ведь вижу, как ты себя ведешь: единолично принимаешь решения, жестко ставишь на место тех, кто пытается бросить тебе вызов, и заботишься о тех, кто с тобой. Ты адиген, Грозный, хочешь ты того или нет, но ты адиген.

– А у тебя слишком буйная фантазия?

Привереда улыбнулась и ровно произнесла:

– Тебе не нравится моя брошь.

Жакет девушки украшала небольшая, но искусно выполненная роза, в золотых лепестках которой поблескивали три рубина.

– Не нравится, – подтвердил, после паузы Грозный, вызвав изумленный взгляд Свечки. – Кажется, я терпеть не могу розы.

– Я немного разбираюсь в людях, – продолжила Привереда. После чего сняла брошь, спрятала ее в карман, помолчала, и негромко закончила: – Теперь ты перестанешь смеяться над моими «фантазиями»?

Красивый, хорошо продуманный ход не мог не вызвать

одобрения.

– Ты молодец, – признал Грозный. – Но что скажешь о наручниках?

– Их никто не видел.

– Следы говорят сами за себя.

– То есть ты согласен с Рыжим?

– Только в том, что он говорил о наручниках. Преступником я себя не ощущаю.

– Ты ничего не помнишь, – заметила Свечка.

– Адигены часто попадают в странные ситуации, – махнула рукой Привереда. – Возможно, тебя взяли в плен политические враги.

Она добилась главного: перевела разговор на Грозного и адигенов, о которых можно рассуждать часами, она надеялась, что увлекшиеся собеседники раскроются, но ошиблась. Стоило Привереде расправить крылья, как ее тут же вернули на землю.

– А что скажешь о себе? – поинтересовался Грозный, проигнорировав замечание о политических врагах. – Ты внимательна, наблюдательна и умна. Неужели не пыталась разобратся с собой?

– Или не хочешь с нами делиться? – поддакнула Свечка.

Огрызаться на белокурую Привереда не стала – не время, сейчас Грозный ей доверяет. И вместо зубов продемонстрировала девушке дружескую улыбку:

– Почему же? Охотно поделюсь.

– Мы слушаем.

«Мы»! Похоже, эти двое окончательно спелись.

– У меня нет обручального кольца, значит, скорее всего, я не замужем, – ровно произнесла Привереда. – Правда, в некоторых мирах носить кольца не принято, но мне кажется, что я с Ожерелья, а не из какого-нибудь захолустья.

– Или ты сбежала из захолустья в Ожерелье, – поддела нахалку Свечка.

– Или так. – Привереда оставила шпильку без внимания. – Одежда на мне дорогая, модная, украшения подобраны со вкусом, но они достаточно скромны. Платок и белье без монограмм, однако качество ткани хорошее... Скорее всего, я простолюдинка, но не из бедных. Или дочь богатого коммерсанта, или же у меня собственное предприятие.

– Я поставил бы на второе, – хмыкнул Грозный. – Ты весьма энергична.

– Спасибо.

– Остается один вопрос, – добавила Свечка. – Что тебе нужно от Грозного?

Ответить девушка не успела.

Увлечшись разговором, они существенно сбавили темп, позволив Рыжему, Тыкве и Куге догнать себя. Привереда ожидала, что спутники присоединятся к беседе, но услышала:

– Тихо!

И тут же увидела, как Тыква прижимает к губам указа-

тельный палец.

– Тс-с...

– Что...

– Тихо!

Рыжий выразительно посмотрел на Привереду и вытащил из поясной кобуры небольшой черный пистолет.

– Еда, – прошептала Куга.

Чуть впереди каньон сужался шагов до пятидесяти, и отвесные скалы буквально нависали над рекой, оставляя для прохода метров по десять с каждой стороны бурного потока. Берега были усеяны крупными камнями, идти по которым было весьма тяжело, однако путники не думали о предстоящих трудностях, потому что на террасе, тянущейся вдоль противоположного берега, беззаботно щипал траву горный козел.

– Мы с подветренной стороны, – прищурился Грозный. – Он не почует.

– Мясо, – облизнулась Привереда. – Я не отказалась бы от мяса. И от хлеба тоже.

– От яблока или апельсина, – поддержала ее Свечка. – Я согласилась бы на что угодно.

До сих пор путешественники гнали мысли о еде: к чему ныть о недостижимом? Никаких животных они не видели, а редкие птицы парили слишком высоко. Растения тоже не радовали: хвойники походили на сосны, лиственные на клены, кусты определению не поддавались, но орешника среди них

не оказалось. Короткий разговор о еде, состоявшийся в самом начале путешествия, закончился предположением, что им придется ловить рыбу, и надежда на реку подбадривала путников всю дорогу. Теперь же они увидели нечто весьма интересное.

– Мясо!

– Сейчас я его убью, – рисуясь, пообещал Рыжий.

Они с Тыквой прошли вдоль берега, оказавшись напротив козла, и остановились. Спорки пригнулся, опершись руками о камень, а Рыжий, используя спутника в качестве упора, стал целиться в добычу. Куга отправилась с мужчинами и теперь стояла рядом, напряженно ожидая развязки.

– Не надо стрелять! – неожиданно бросил Грозный.

– Что?

Свечка и Привереда изумленно посмотрели на лысого.

– Встаньте под скалу! Укройтесь! – велел им Грозный, а сам быстро, но бесшумно подбежал к охотникам. – Не надо стрелять.

– Не мешай, – огрызнулся Рыжий.

– Ты его спугнешь, – поддержал приятеля Тыква.

– Почему? – поинтересовалась Куга.

– Мы на дне каньона. – Грозный обвел рукой скалы. – Если пальнете, вызовете камнепад.

Куга испуганно вздрогнула. Козел продолжал невозмутимо щипать траву.

– Я хочу есть, – процедил Рыжий.

– Все хотят. Но убиваться ради этого не стоит.

– Хватит командовать!

– Грозный, не сейчас, – подал голос Тыква.

– Не дергайся!

Рыжий замер и на выдохе, как положено, начал давить на спусковой крючок. Грозный сделал шаг к скале.

– Куга, отойди!

– Я... – Девушка беспомощно развела руками. Она выбрала Тыкву и не хотела его покидать.

– Куга!

Выстрел заставил девушку вскрикнуть и подпрыгнуть на месте. Козел недоуменно посмотрел вниз, чем вызвал законное негодование Тыквы:

– Ты промахнулся!

– Из-за гребаного Грозного!

– Стреляй еще!

– Сейчас...

Первый камень упал в трех шагах от Рыжего. Не очень большой – с конскую голову, он тем не менее произвел нужное впечатление: Рыжий заорал и, выронив пистолет, бросился под защиту скал. Следующие булыжники рухнули в воду, подняв облако брызг, а гул продолжал нарастать.

– Камнепад! – Тыква припустил за Рыжим. – Спасайся!

– Я...

Куга осталась совсем одна. И не просто осталась – ее парализовало. Девушка понимала, что должна бежать, но не

могла пошевелиться. Видела летящие камни, но продолжала стоять. И тонула в страшном, все нарастающем гуле.

– Ядреная прищпа!

Грозный издал не крик – настоящий рык разъяренного зверя. В три прыжка добрался до замершей девушки, схватил ее в охапку и стремительно, как показалось перепуганной Свечке – едва ли ни одним шагом, – вернулся под защиту скалы.

– Мужик! – ахнула Привереда.

А там, где только что стояла Куга, шарахнул о землю многотонный валун.

– Мама, – прошептала синеволосяя.

– Стой здесь!

– Что? – Девушка бессмысленно таращилась на спасителя. – Не уходи.

– Стой здесь и не шевелись! – Грозный чуть подался вперед, посмотрел на падающие камни, что-то прикинул, вновь рыкнул: – Ядреная прищпа!

И покинул убежище.

– Нет!!!

Три крика слились в один. Свечка, Привереда и Куга завопили одновременно, однако остановить Грозного не смогли. Да и не следовало ему останавливаться, потому что каждое его движение было рассчитано до миллиметра. И скорость тоже. И повороты. И редкие остановки. Казалось, Грозный успел пересчитать весь каменный поток, вычислить, когда

и в какое место рухнет очередная глыба, и проложить под смертоносным дождем оптимальный путь. Вот он обогнул только что свалившийся камень. Вот остановился, нагнулся, подхватил что-то с земли и сразу же бросился в сторону, уходя от очередного «подарка» потревоженной скалы. Вот он прыгнул. Потом еще раз, и еще. Вновь остановился, плавным и очень спокойным движением вскинул правую руку, в которой...

Грохнул еще один выстрел.

Ошарашенная Привереда посмотрела вверх, куда был направлен ствол пистолета, и ойкнула, увидев заваливающегося набок козла. Зверь остался на террасе, тоже переживал камнепад, и был замечен Грозным. И не просто замечен.

– Что же он за человек?

А лысый мужчина уже бежал обратно, подальше от второй порции потревоженных камней.

– Вы как?

Глаза горят, на губах усмешка, вид – бешеный. Но довольный, довольный...

– Ты идиот! – Свечка перестает сдерживаться. Подлетает к Грозному и трясет его за плечи. – Идиот! Идиот!

– Спасибо. – Куга плачет. Сидит, прижавшись боком к скале, и размазывает по лицу слезы. – Спасибо, спасибо...

– Ты его убил. – Привереда пронзительно смотрит на Грозного.

– Я знаю, – коротко отвечает тот и смотрит на зажатый в

руке пистолет так, словно встретил старого друга.

– Зачем ты бросился под камни?

– Понял, что успею. И еще понял, что козел собрался удирать.

– И пусть бы удрал! – Свечка отступила. – Пусть бы ушел этот проклятый козел. Пусть!

И услышала спокойное:

– Нам нужна еда.

Грозный ответил негромко, однако был услышан, а это означало, что гул прекратился. Разозленные скалы выплюнули на незваных гостей все, что приготовили, и можно выйти из укрытия.

– Все живы? – осведомился подбежавший Рыжий.

– Какая заботливость.

Тыква стыдливо промолчал, а Рыжий попробовал ответить:

– Я все равно считаю...

– Заткнись. – Привереда сверкнула глазами и тут же улыбнулась, заметив, как вытянулось лицо Рыжего при виде вооруженного Грозного.

– Ты... – Рыжий сглотнул. – Ты нашел мой пистолет?

Его руки вдруг задрожали.

– Я ведь говорил, что не нужно стрелять, – мягко произнес Грозный.

– Ты... Ты был прав. – На Рыжего было жалко смотреть. – Извини.

– Буду очень признателен, если впредь ты станешь прислушиваться к моим советам. – Грозный выдержал паузу. – Мы договорились?

– Да, – пообещал Рыжий. – Буду.

– Очень хорошо. – Грозный взял оружие за ствол и протянул его Рыжему. – Это твое.

– Спасибо.

Подавленный Рыжий принялся неловко запихивать пистолет в кобуру.

«Мужик, – прошептала про себя Привереда. – Мужик! – И покосилась на Свечку: – Даже не надейся, девочка, эта дичь не для тебя!»

– Тыква!

– Да.

– Поднимитесь с Рыжим на террасу и принесите сюда козла, – распорядился лысый.

– Мы его убили? – удивился спорки.

– Он его убил. – Привереда ткнула пальцем в Грозного. – А вы едва все не испортили.

– Дамы! – Грозный посмотрел на девушек. – У нас будет большой привал. Но не здесь, а чуть дальше, где скалы расходятся. И еще...

– И еще кое-что от меня! – Заплаканная Куга подошла к Тыкке и вlepила ему пощечину.

Подъем на террасу получился труднее, чем казалось на

первый взгляд, да и располагалась она, как выяснилось, выше ожидаемого. И выступления, на которые опирались мужчины, норовили оказаться ложными, не частью скалы, а небольшими камнями, случайным образом прилепившимися к прочной тверди. Рыжий соскальзывал два раза, и лишь ловкость Тыквы не позволила ему позорно свалиться вниз.

– Обратный путь будет сложнее, – отдышавшись, заметил Тыква.

– Ты, судя по всему, и раньше в горы карабкался, – ответил Рыжий только для того, чтобы хоть что-то сказать. К тому же ему было неприятно, что спорки оказался ловчее.

– Может быть. – Тыква подошел к краю террасы и плюнул вниз.

– Помню-помню, ты ничего не помнишь.

– И мне это нравится. – Спорки помолчал. – А ты еще не привык?

– Грозный меня поймел, – сменил тему Рыжий.

– И как ощущения?

– Бесит.

– Но он действительно убил козла. – Тыква пошел к туше и покачал головой. – И пистолет тебе вернул.

– Это как раз логично, – неохотно процедил Рыжий.

– Ты же говорил, что он преступник.

– Преступник, но не дурак. Оставь он пистолет себе, этой же ночью мы связали бы его и... и, скорее всего, бросили бы.

– Пожалуй, – подумав, согласился Тыква. – Я бы подпи-

сался.

– А ему нужно заручиться нашим доверием. – Рыжий потер подбородок. – Пистолет у меня, но главный все равно он.

– И тебя это бесит, – припомнил спорки. – Извини, дружище, ничем не могу помочь.

– Согласен ему подчиняться?

Спорки помолчал, задумчиво почесывая круглую голову, после чего ответил:

– Он добыл одежду для Свечки, спас Кугу и убил козла. Привереда, конечно, стерва, но она права: с Грозным спокойнее. – Тыква вновь сплюнул, на этот раз себе под ноги. – Знаешь, Рыжий, мне действительно нравится ничего не помнить, действительно нравится чувствовать себя абсолютно свободным человеком, но это не значит, что я не хочу выжить. Хочу. Очень хочу. И Грозный кажется мне надежным компаньоном.

– А меня смущает то, что он убил козла, – хмуро произнес Рыжий. – Завалить такого зверя из моего пистолета очень трудно. В упор, шагов с пяти-десяти еще куда ни шло, но с шестидесяти метров – нет. Нужно попасть в голову или сердце, поэтому я и промазал – целил в сердце.

– А почему не в голову?

– Ею вертят. К тому же у таких тварей прочный череп, а пуля будет на излете.

– То есть ты все делал по науке и облажался. А наш грозный друг...

– Наш грозный друг влепил пулю точно в глаз, видишь? – Рыжий указал на рану. – Без подготовки, не особенно целясь, стоя под камнепадом.

– Ему повезло, – пожал плечами Тыква. – У везучих людей и в почках бриллианты.

– Или же наш грозный друг – бамбальеро.

– Или так, – согласился Тыква. – Адигены уважают Хо-экус.

Через сто пятьдесят шагов скалы разошлись настолько, что между ними и речкой сумела разрастись приличных размеров роща местной разновидности кедра – идеальное со всех точек зрения место для привала. Привереда предположила, что Грозный знал о нем заранее, и шутка слегка расслабила напуганных последними событиями женщин. Приободрившаяся Свечка поинтересовалась, нет ли у него поблизости охотничьего домика, а Куга заикнулась насчет слуг. И оказалась провидицей, потому что Грозный, внимательно оглядев рощу, приказал идти за хворостом.

– У нас будет костер?

– Я не в настроении есть сырое мясо.

– А как мы сделаем костер?

– Подожжем дрова.

Привереда поняла, что обсуждать детали Грозный не собирается, а потому закончила разговор самым правильным способом: отправилась собирать хворост. За этим она, наконец, смогла поделиться с подругами переполняющими ее

чувствами:

– Не похоже, чтобы раньше я занималась чем-нибудь подобным.

– А из цеппеля выпадать приходилось? – язвительно осведомилась Свечка.

Привереда бросила на соперницу высокомерный взгляд и холодно ответила:

– Ни голой, ни одетой.

– В таком случае наслаждайся новым опытом.

– А вам не кажется, что Грозному все это не впервой? – подала голос Куга.

– Падать с цеппеля?

– Путешествовать по горам.

– Может, он охотник, – предположила Привереда. – Аदि-гены это любят.

– Или...

– Экстренный выпуск! Знаменитый путешественник возвращается из опаснейшей экспедиции на Тутомар!

Мальчишка хватает протянутый медяк и сует ей в руки газету. На первой полосе фотография: лысый мужчина хмурится в объектив, а рядом с ним жизнерадостно улыбаются два офицера Астрологического флота. Большие золотые погоны не оставляют сомнений в том, что офицеры эти – весьма высокого ранга.

«Самая дальняя планета Северного Бисера раскрывает

свои тайны знаменитому...»

– Куга!

– Что? – Синеволосая тряхнула головой и вытаращилась на Привереду.

– С тобой все в порядке?

– Я... Мне... – Куга хрустнула пальцами.

– Ты что-то вспомнила?

– Мне показалось, что я видела Грозного. В газете.

– Ты работала в газете?

– Нет, я ее читала... О нем.

– Его разыскивали?

– Его перевозили... Он путешественник... – Синеволосая потерла лоб. – Все расплылось.

– А имя?

– Не успела увидеть.

– Жаль. – Привереда вздохнула.

– В любом случае, Грозный – человек опытный, – произнесла Свечка.

– По-моему, Куга имела в виду другое, – догадалась Привереда. И посмотрела на синеволосую: – Когда ты говорила об опыте Грозного, ты хотела сказать, что он все вспомнил?

– Я бы не удивилась.

– Вряд ли, – не согласилась Свечка.

– Почему?

Белокурая выпрямилась, помолчала, после чего ответила:

– Я читала в какой-то книге, что человеческая память похожа на корабль: есть надстройки, верхние палубы, а есть корпус, основное. Мы не видим надстройки, не видим себя, но все наши знания и умения остались при нас, вот Грозный ими и пользуется.

– Надо было назвать его Крейсером.

– Чушь какая, – проворчала Привереда. – Надстройки, палубы... Или мы все помним, или нет.

– Но ведь ты знаешь о Герметиконе.

– Я...

Привереда замолчала, и некоторое время девушки собирали хворост молча.

За время их путешествия солнце успело подняться в зенит, и теперь висело прямо над каньоном. Однако особенной жары не принесло – посылаемое звездой тепло сжирала прохлада бурной реки. Поработав, девушки вновь собрались вместе, и Привереда продолжила разговор:

– Слушай, Свечка, а в той книге...

– Я не помню ее название, – тут же сообщила белокурая.

– Неважно, – отмахнулась Привереда. – Там говорилось, когда память вернется?

– Иногда она возвращается сама по себе: проходит время, и человек все вспоминает, – медленно ответила Свечка. – Иногда помогают образы прошлого: знакомые лица, предметы, слова...

– То есть идея Тыквы насчет ассоциаций была не такой

уж и глупой?

– Получается. – Свечка отбросила с лица прядь волос. – А еще там писали, что память может вернуться в момент сильного душевного потрясения. То есть клин вышибается клином.

– Ага! – Привереда тут же переключилась на Кугу: – Тебя сегодня прилично потрясло, ведь так?

– Так, – не стала спорить синеволосая.

– И что?

– Ничего.

– Не вспомнила?

– Нет.

– Жаль, что тебя камнем не приложило...

– Привереда! – возмутилась Свечка.

– Я пошутила. – Нахалка с отвращением посмотрела на кучу хвороста и прошлась вдоль присевших на камни спутниц. – Как думаете, Грозный сильно волновался, когда спас Кугу?

– Я бы не сказала, – отозвалась белокурая.

– И стреляет он блестяще, – задумчиво протянула Привереда.

– Намекаешь, что он все-таки преступник?

– Не намекаю, предлагаю подумать. – Привереда присела около задавшей вопрос Куги. – Что мы будем делать, если он окажется преступником?

– Ты говоришь только о Грозном, – заметила Свечка. –

Складывается впечатление, что ты делаешь это специально.

– Еще скажи, что я влюбилась, – огрызнулась Привереда.

– Скажу, что ты не хочешь говорить о себе, – продолжила белокурая.

– О себе я все сказала.

– Так уж и все?

– Когда вы успели так возненавидеть друг друга? – меланхолично поинтересовалась Куга. – Не сумели поделить Грозного?

– Заткнись.

– Заткнись.

– От моего молчания ничего не изменится. – Синеволосая поднялась и взяла в охапку свою кучу хвороста. – Грозный, как я заметила, не любит ждать. Так что советую поторопиться.

Небольшая полянка, которую лысый определил местом для лагеря, встретила собирательниц запахом дыма, потрескиванием умирающего в костре дерева и равномерным стуком. Избавившись от груза – Свечка не забыла подбросить в огонь несколько принесенных веток, – девушки отправились на поиски Грозного и обнаружили его сидящим на большом валуне. В правой руке мужчина держал средних размеров булыжник, которым аккуратно и очень сноровисто, стучал по другому камню, черному, прижатому к валуну. Услышав девушек, Грозный оставил свое занятие и повернулся:

– Как все прошло?

– Отлично, – опередила Свечку Привереда. – Принесли много, и там еще осталось что собрать. На всю ночь хватит.
– А я подбросила веток в костер, – доложила белокурая.
– Очень хорошо, – одобрил Грозный.

В отличие от спутниц, которых работа не заставила расстаться хотя бы с частью одежды, лысый сидел на валуне обнаженным по пояс. Широкий в плечах, широкий в кости, он напоминал борца – неброского, не обладающего рельефной мускулатурой силача, способного и соперника любого завалить, и быка опрокинуть точным ударом.

– Что делаешь? – поинтересовалась Куга, сообразив, что разглядывать полуголого мужчину, мягко говоря, неприлично.

– Здесь много обсидиана, – коротко, но непонятно ответил Грозный.

– И что?

– Далеко же вы забрались!

– Мы ноги истоптали!

– Не козел, а самый настоящий боров!

– Тяжел, подлец!

Ломать палку и привязывать к ней тушу, например, своими ремнями, Рыжий с Тыквой не стали. То ли не додумались, то ли поленились. Тащили, ухватив за ноги, а потому изрядно умаялись.

Бросив козла у камня, они демонстративно выдохнули, показывая девушкам, как трудно далась им победа, после че-

го Рыжий осведомился:

– Слышь, Грозный, а как будем разделявать добычу? Неужели пистолетом?

– Ха-ха, – заученно расхохотался Тыква.

Грозный чуть приподнял брови, внимательно посмотрел на мужчин, после чего сделал вывод:

– Репетировали?

– Неважно, – задиристо ответил Рыжий. – Вопрос-то правильный.

– Как? – добавил Тыква.

– Сейчас покажу.

Грозный отвернулся, ударил по зажатому в левой руке камню еще пару раз, после чего положил булыжник, легко прыгнул с валуна, подошел к туше, на ходу перекладывая в правую руку плоский черный камень, задрал козлу голову и резанул по шее. Шкура разошлась в стороны.

– Хня мулевая, – пробормотал ошарашенный Тыква.

Куга вздрогнула и отвернулась, Свечка осталась невозмутима, Привереда зло расхохоталась, а униженный в очередной раз Рыжий побледнел.

– Не хня, а обсидиановый нож, – объяснил Грозный, показывая спорки пятиугольную бритву с тонкими, необычайно острыми краями. – Не ругайся при женщинах.

– Где ты этому научился? – спросила Куга.

– Понятия не имею. – Грозный оценивающе оглядел спутников. – Привереда и Свечка помогут мне с тушей, а вы трое

отправляйтесь за хворостом – нам понадобится много дров.

* * *

– Все в порядке, синьор Вальдемар?

– Что? Э-э... да. – Поднявшийся на мостик Осчик на мгновение смутился, но все-таки ответил на вопрос Хеллера с улыбкой. – Все в порядке.

– Очень хорошо, синьор Вальдемар. – Петер вздохнул. – Вы заставили нас беспокоиться.

– Кажется, во время перехода я отключился?

– Вы поймали Знак, – подтвердил старпом.

Рулевой усмехнулся, и Осчик понял, что изрядно повеселел цепарей. Неприятно, конечно, но что делать – такова реальность межзвездных переходов. Вальдемар покосился на рулевого – тот мгновенно стер с физиономии усмешку – и с деланным равнодушием поинтересовался:

– Долго я пробыл без сознания?

– Почти десять часов.

– Прилично.

– За это время не произошло ничего интересного, синьор Вальдемар. Мы легли на курс и благодаря попутному ветру преодолели почти шестьсот лиг.

Учитывая, что «Черный Доктор» был под завязку нагружен да еще нес под пузом грузовую платформу, пройденное расстояние оказалось весьма большим.

– Я впечатлен, – признался Осчик.

– Мы все удивились, – кивнул Петер. – Пока Ахадир добр к нам.

– Будем надеяться, что его благосклонность не иссякнет.

– Совершенно с вами согласен, синьор Вальдемар.

Петер Хеллер поразительно походил на своего капитана – Жака Вандара. Такое же круглое дунбегийское лицо с носом-картошкой и маленькими, потерявшимися в толстых щеках глазками. Лет ему было заметно меньше, а потому сначала Вальдемар принял Петера за сына Вандара и сильно удивился, узнав, что они не родственники. С Осчиком Хеллер вел себя подчеркнуто вежливо, а в отсутствие капитана – подобострастно, грубо намекая, что не прочь выслужиться перед крупной шишкой из всемогущей Компании. Вальдемар показал, что все понимает, но авансов пока не давал.

– Можно распорядиться насчет кофе?

– Кофе? Разумеется...

Однако отдать приказ Хеллер не успел.

– Как тебе Ахадир, Вальдемар? – Жак Вандар взошел на мостик по-капитански: широким, уверенным шагом, и мгновенно наполнил помещение громогласным голосом. – Нравится? И это только начало. Кто говорил о кофе? Петер, распорядись! Мне большую кружку! Рулевой! Ты не сбился с пути? Вальдемар, мы говорили об Ахадире!

– Он кажется мне темным.

– Ха-ха-ха! Темным! Петер, ты слышал? Темным! Это по-

тому, что сейчас ночь, чтоб меня манявки облепили, самая настоящая ночь. Ты слишком долго спал, Вальдемар. Петер, ты распорядился насчет кофе? Вальдемар, познакомься с Даном. Дан, это Вальдемар.

Следом за капитаном на мостик поднялся худощавый мужчина лет тридцати на вид, с очень узким, словно сдавленным прессом лицом. У мужчины были длинные темно-русые волосы, которые он вязал в хвост, тонкие усики и редкая борода, от которой, по-хорошему, имело бы смысл избавиться. Но больше всего Осчику не понравилась одежда узколицего: темно-зеленая форма лингийского егеря со спортивными нашивками. Консервативных адигенов с Линги галаниты почитали недругами, бесились при одном их упоминании, а потому форма вызвала у Осчика понятное отвращение.

– Вальдемар, позволь тебе представить лучшего разведчика пограничья – Дана Баурду. Парень родом с Игуасы и способен выследить даже ночную живку! Дан?

– Способен, кэп.

– А что я говорил?

Осчик молча протянул руку – ладонь следопыта оказалась узкой, но твердой, как доска, – и поинтересовался:

– Мы собираемся охотиться?

– Мы собираемся захватить одно укрепленное место, Вальдемар, а для этого требуется серьезная подготовка, чтоб меня манявки облепили. Дан и его ребята проползут в лю-

бую щель, срисуют всех врагов, вернутся, расскажут нам, куда идти, а после вырежут охрану... Кофе! Отлично! – Вандар шумно хлебнул горячего напитка, после чего кивнул на окно: – Горы! Те самые. Мы почти у цели, Вальдемар. Скоро заиграет музыка!

Осчик взял у Хеллера свою кружку – куда более скромную, нежели капитанский жбан, – медленно прошелся вдоль окон мостика, разглядывая едва угадывающиеся в предрасветном сумраке очертания гор, и задумчиво протянул:

– Надеюсь.

– Ты слышал, Петер? Вальдемар надеется! Да я в этом уверен, чтоб меня манявки облепили! Выше нос, Вальдемар, мы войдем в историю!

Хеллер уныло кивнул, Баурда выдал нейтральную улыбку, и Осчик понял, что подчиненные терпят капитана через силу. Впрочем, точно так же, как и он сам.

Вандар был нахрапист, нагл и бесцеремонен. Шумен. Дурно воспитан. Он производил впечатление недалекого и туповатого цепаря, которого не сложно обвести вокруг пальца, но, к огромному удивлению Осчика, оказался замечательным переговорщиком, умеющим настоять на своем. Вандар заставил Компанию оплатить все расходы по экспедиции, вытребовал роскошный аванс – в золотых цехинах, разумеется, иной валюты дунбегиец не признавал, – а напоследок заполучил в свое распоряжение новейший цеппель, поскольку его судно взять все снаряжение не могло, а лететь на

двух кораблях Вандар отказывался. «Черный Доктор», всего год как покинувший эллинг Бей-Гатара, предназначался для проведения длительных самостоятельных экспедиций на неизведанные планеты. Эту модель лучшие инженеры Компании разрабатывали почти десять лет. Цеппель получился быстрый, вместительный, способный брать дополнительную грузовую платформу, другими словами, позволял галанитам на равных конкурировать с исследовательскими рейдерами Астрологического флота, и вот конфуз: первый же прошедший испытания корабль поступил под командование Вандара.

Ирония судьбы, иначе и не скажешь.

У Осчика, истинного галанита и патриота Компании, эта ситуация вызвала праведный гнев, и он с трудом сдерживался, глядя на самодовольную харю Вандара, мечтал врезать по ней чем-нибудь тяжелым, разбить до крови, стереть с губ ухмылку, но... Но все это потом.

Потому что сейчас у проклятого дунбегийца был сильный козырь.

* * *

Первыми заселенными людьми мирами, если не считать Изначальный, разумеется, стали девять планет Ожсерелья. Девять ярких миров, фундамент которых закладывали Добрые Праведники и Первые Цари, девять жемчужин среди

миллиардов звезд и планет. Миры Ожерелья прошли через все эпохи Герметикона, помнили кровавые войны и ужасы Белого Мора, правление императоров и долгую, растянувшуюся на сто пятьдесят лет Эпоху Второго Распада, во время которой люди почти потеряли надежду на восстановление межзвездных путешествий. И не просто помнили, а с честью преодолели выпавшие на их долю испытания.

Ожерелье было богатым и густонаселенным – почти по миллиарду жителей на каждой планете, – лидером в науке, экономике и политике. Другими словами, миры Ожерелья были самыми влиятельными игроками за карточным столом Герметикона. Но не единственными игроками, поскольку в затылок старым планетам все сильнее дышали молодые конкуренты. Хансея, Жухаза, Бахор, Крандага... их освоение началось значительно позже – во времена Инезирской династии и Белого Мора, они были оторваны от Ожерелья в течение сотен лет, но сумели создать собственные, весьма развитые цивилизации, и наступление Этой Эпохи встретили во всеоружии. Молодые и дерзкие планеты Бисера активно развивали промышленность и межзвездную торговлю, а их сферопорты были столь велики, что в них легко мог затеряться цеппель, капитан которого не желал привлекать к себе лишнего внимания.

– Хеллер!

– Да?

– Машину проверил? Что это были за шумы, о которых

докладывали позавчера?

— Заменили пару подшипников.

— Дорого?

— Не очень. — Хеллер усмехнулся. — Проверка встала дороже, потому что пришлось вызывать портовую бригаду.

Вандар поморщился:

— За что мы платим шифбетрибсмейстеру?

— Я не знаю.

— А я знаю, чтоб меня манявки облепили! Мы платим, чтобы этому ленивому кретину было на что пить в кабаках!

— Не так уж много мы ему платим, — пробубнил старпом.

К счастью для Петера, отвлекшийся Вандар не расслышал его бормотания.

— Что ты сказал?

— Я говорю, что полностью согласен: нам нужен новый шифбетрибсмейстер.

— Но где взять толкового? — вздохнул Вандар.

— Хороший механик — большая редкость.

— Вот именно, чтоб меня манявки облепили. Вот именно.

Грамотный шифбетрибсмейстер к капитану с сомнительной репутацией не пойдет, найдет, к кому наняться, — толковые профессионалы в портах не задерживаются, и платят им наравне с астрологами. Вот и приходилось довольствоваться теми, от кого отказались крупные компании и удачливые торговцы. А отказывались они лишь от ле-

нивых кретинов.

Вандар посопел, разглядывая невозмутимого Хеллера, после чего вздохнул и сообщил:

– Буду после обеда.

И покинул мостик, оставив помощника самостоятельно разбираться с повседневными заботами. Впрочем, такое повторялось в каждом порту.

Петер проворчал себе под нос короткое ругательство, подошел к лобовому окну гондолы, проследил за тем, как спустившийся на лифте Вандар уселся в повозку – «Знаю я твои дела, скотина!», – после чего вернулся к панели управления и взялся за переговорную трубу:

– Машинное отделение! Что у вас?

– Работаем!

Если вам нужно провернуть серьезное дело, то обращаться следует к серьезным людям. К таким, которые сумеют поддержать не только советом, но и деньгами. Которые вложат в предприятие изрядные средства и, если потребуется, прикроют от разного рода неприятностей, что любят возникать на пути к успеху. Следует обращаться к сильным людям.

Серьезных дел немного, серьезных людей еще меньше, и, выбирая, к кому из них обратиться, ни в коем случае нельзя ошибиться. Серьезными людей зовут не за красивые глаза, а потому что заслужили, потому что своего не упускают

и мелочь, которая вокруг плавает, охотно употребляют на завтрак. И на переговорах серьезные люди не только о деле расспрашивают, они еще и просителей оценивают: сможет потянуть проект, не сломается? Нужен ли он или без него можно справиться? И если серьезные люди решат, что проситель собрался откусить не по чину, то могут направить на него человечков попроще, которые будут ломать просителю ноги до тех пор, пока тот не выложит всю подноготную своего дела. А потом выбросят. Или пристрелят. Тут уж, согласно поговорке, кому как повезет.

Жак Вандар прекрасно знал, что его дело не просто серьезное – серьезнейшее, одно из тех, за которые убивают без раздумий. Партнеров для такого предприятия следовало бы выбирать мучительно долго, чтобы не было потом мучительно больно, но вот беда – не имел Вандар возможности выбирать. Происхождение капитана, гнилая его репутация, а также щекотливые обстоятельства, что проложили ему курс на дело всей жизни, не позволяли Вандару обратиться к кому-либо, кроме галанитов. А точнее – Компании. С одной стороны, о таком партнере можно только мечтать – когда Компания чуяла прибыль, она с затратами не считалась. С другой... Все знали, что доверять галанитам можно лишь в том случае, если ты сам галанит, да и то с оговорками.

– В какое именно место вам надо, добрый синьор? – осведомился кучер, когда повозка въехала в центр Куегарда.

– Улица Длинный Спуск, ресторан «Лебединое озеро».

– Замечательный выбор, – одобрил кучер.

Но про себя подумал, что столь дорогой ресторан не место для капитана потрепанного цеппеля. В «Лебедином озере» собирались воротилы Куегарда, и даже принарядившись в добротный, хорошего сукна сюртук и шелковую сорочку, толстый дунбегиец будет выглядеть среди них белой вороной.

– И поторопись, – важно произнес Вандар. – Мы несколько опаздываем.

– Конечно, добрый синьор.

Встречаться с представителем Компании на Галане было бы глупо и неразумно. Из Бей-Гатара Вандар попросту не вернулся бы, исчезнув, как растаявший Знак – без следа. То же самое ожидало его на какой-нибудь маленькой планете – в приграничных мирах Департамент секретных исследований вообще никого не стеснялся, действовал, как считал нужным, нагло поплеывая на местные законы. Ехать в адигенские миры Ожерелья отказался Осчик: там к высокопоставленным галанитам относились с подозрением, и встреча привлекла бы ненужное внимание местных полицейских служб. В итоге сошлись на независимой Хансее, где ни адигены, ни галаниты не имели особенного влияния. При этом Вандар настоял на том, чтобы провести переговоры не в каком-нибудь закоулке, а в центре города, в респектабельном ресторане.

– Синьор капитан! Очень рад!

– Вальдемар, мы ведь давно называем друг друга по именам.

– Теперь даже не знаю, Жак, вы стали столь недоверчивы...

– Предусмотрительность, Вальдемар, ничего более. Слишком серьезное дело.

– Тем больше доверия должно быть между старыми друзьями.

– Да как вам сказать, Вальдемар... наверное.

Мужчины присели за стол и обменялись дружескими улыбками. Толстый дунбегиец в старомодном сюртуке и молодой галанит в щегольском костюме и вышитом вручную галстуке. Капитан с плохой репутацией, трижды избежавший обвинений в пиратстве за недостаточностью улик, и младший директор хансейского отделения Департамента секретных исследований. Вальдемар без устали подчеркивал, что добился высокого поста благодаря уму и профессионализму, однако Вандар знал правду: молодой человек приходился внучатым племянником одному из руководителей всесильной Компании, что и гарантировало Осчику завидный карьерный рост.

– О чем ты хотел поговорить, Жак?

– Об очень серьезном деле.

Понимая, что завсегдаш «Лебединого озера» не оставят без внимания явление неотесанного дунбегийца, Вальде-

мар зарезервировал самый дальний столик. С двух сторон стены, с третьей – роскошный куст густой хансейской черемухи, а потому собеседники оказались почти полностью отрезанными от зала.

– Знаю я твои важные дела, Жак, – махнул рукой Осчик. – Опять нужна помощь?

– Как видишь, я сумел унести ноги, – с достоинством ответил Вандар.

– От кого на этот раз?

– От лингийцев.

– Врешь?

– Нет.

– Ого! – В голосе галанита проскользнули уважительные нотки. – На моей памяти ты первый пират, сумевший пережить лингийскую погоню.

Лингийцы не любили пиратов и не умели останавливаться на полпути. Вцепившись в «синьора удачи», боевые цеппели Союза обязательно доводили дело до конца, а потому Вандара можно было с полным правом называть счастливымчиком.

– Я не первый, но это неважно – мне крупно повезло, – не стал скрывать капитан. – Мой старенький цеппель оказался быстрее лингийского доминатора, а встретились мы в глуши, и поддержать погоню было некому. Тем не менее лингийцы скакали за мной целых три мира, и вот в одном из них...

– Не торопись, – попросил Осчик. – Давай сначала.

– Хорошо. – Вандар сделал жадный глоток вина – о существовании правил приличия дунбеиец, судя по всему, не подозревал, – и начал рассказ: – Все началось на Бакрате. Я узнал, что идет богатый транспорт одной из каатианских торговых корпораций, и решил его выпотрошить. Места там дикие, поселений мало, так что о свидетелях можно было не беспокоиться. Мы догнали транспорт...

– Такие подробности меня не интересуют, – твердо произнес Вальдемар. – Грязные детали оставь при себе.

– Понимаю. – Вандар ничуть не обиделся. – Сама операция прошла успешно, чтоб меня манявки облепили, мы сделали все, что хотели, но, когда собрались уходить, появился доминатор...

– Он тебя опознал? – жестко спросил Осчик.

– В этом случае я не рискнул бы появляться на Хансее, – хмыкнул дунбеиец. – Мы все время держались на почти-тельном расстоянии.

– Но ведь ты отмечался в сферопорту Бакраты.

Вальдемар не имел ничего против сотрудничества с пиратами. Более того, Департамент не раз и не два нанимал «синьоров удачи» для решения щекотливых дел, но было железное правило: связь с пиратами должна оставаться в тайне. Никаких открытых встреч с теми, кого разыскивают военные.

– Мы ушли из сферопорта за неделю до атаки, были дела

на планете, – успокоил галанита Вандар. – Все должно было получиться идеально.

– Но не получилось.

– Получилось, – насупился дунбегиец. – Я прилетел на Хансею как честный человек, и мои судовые документы в полном порядке. Считается, что с Бакраты мы ушли на Менсалу, где застряли для ремонта.

– Ладно, ладно, я тебе верю. – Осчик сделал маленький, можно сказать – манерный, глоток вина. – Тебе на хвост сел доминатор. Что дальше?

– Мы прыгнули на Скуру...

– Навелись на Сферу Шкуровича? – вновь насторожился галанит.

– Скура – совсем глухой мир, сферопорт не охраняется, и никто не задает лишних вопросов, – успокоил собеседника Вандар. – Так же обстоят дела на Зоде, куда мы нырнули потом.

– Ты большой специалист по пограничью.

– Нужно хорошо знать места, где работаешь. – Капитан помолчал. – Доминатор не отставал, и мы оказались в ловушке, потому что с Зоды можно отправиться только обратно на Скуру.

– А ты этого не хотел, потому что лингийцы наверняка велели скурийцам встретить твой цеппель.

– Я приказал астрологу навести нас на любой подходящий мир.

Вандар прищурился, вспоминая события недавнего прошлого: негостеприимную Зоду, неизвестные звезды, трясущуюся от страха команду и упрямый доминатор. С пиратами лингийцы обращались без снисхождения: расстреливали из дальнобойных пушек, а если кто-то ухитрялся выжить, например, спрыгнув с парашютом, ловили и вешали.

— Ты сильно рисковал.

— Когда на хвосте лингийцы, по-другому нельзя, — пробормотал Вандар. — К тому же я надеялся, чтоб меня манявки облепили, и мне повезло: астролог отыскал подходящую планету.

— Лингийцы отстали?

— Прыгнули следом. Но к этому времени мы достаточно от них оторвались, и наш следующий переход они не засекли.

— То есть вы рисковали дважды? — уточнил Осчик.

— Пришлось.

— Команда не взбунтовалась?

— Они прекрасно понимали, что лингийцы никого не пощадят. — Разговор прервался появлением официанта, перед собеседниками появились тарелки с горячим, и если галанит не спешил приступать к еде, то Вандар не забывал о яствах, и его фразы периодически звучали невнятно. — Короче говоря, второй переход привел нас в очень странный мир. Очень странный. И именно о нем я хотел с тобой поговорить, Вальдемар. Я думаю, речь идет о полумиллионе золотых цехинов.

Назвав цену, дунбегиец уставился на Осчика, но тот умел собой владеть.

— Полмиллиона — это очень много. — Вальдемар зевнул, не забыв прикрыть ладонью рот. — Что ты нашел?

— Красные камни Белого.

— И где они? — Осчик смотрел с таким видом, словно Вандар должен был выложить загадочные булыжники на стол.

Капитан широко улыбнулся:

— Ты ведь не знаешь, что это?

— Нет, — легко признался Вальдемар. — Зато прекрасно знаю, что такое полмиллиона цехинов. Это гора золота, Жак, и вряд ли Компания заплатит ее за какие-то камни.

— За Красные камни Белого, — повторил Вандар. — Твои боссы наверняка поймут, о чем идет речь.

— Так просвети меня, Жак, не хочу выглядеть идиотом.

— Хорошо... — Дунбегиец закончил с едой и, не удержавшись, рыгнул. — Эта жрачка стоит своих денег, чтоб меня манявки облепили.

— Выпей вина, — поморщился Осчик.

— Пожалуй. — Вандар повертел в руке бокал с красным. Таким же красным, как кровь. И как те камни, о которых он собирался говорить. — Красные камни — это Белый Мор.

— То есть? — поперхнулся Вальдемар.

— Так говорят спорки, — уточнил дунбегиец. — Никто ведь не знает, откуда взялся Белый Мор и почему он, в конце концов, ушел. Официально считается, что помогли жестокие

карантинные меры, принимавшиеся в те годы, поскольку лечить эту заразу так и не научились.

— Я все это знаю...

— А спорки верят, что Белый Мор ушел в Красные камни. Спрятался в них и ждет подходящего случая, чтобы вырваться на волю.

— Чушь.

— Звучит действительно глупо, — признал Вандар. — Но на всех планетах, по которым гулял Белый Мор, находили эти камни. Одна штука на мир. Планеты спорки жили в изоляции сотни лет, но на каждой из них возник культ Красного камня, представляешь? Разбросанные по всему Бисеру спорки, независимо друг от друга, создали одинаковые культы. В свое время об этом много говорили.

— Ты посещал библиотеки? Или научные конференции?

— Я общаюсь со спорки и веду дела на их планетах, — пожал плечами дунбеиец. — Я не смог бы с ними работать, если бы не вник в их культуру.

«А он не так прост, как может показаться», — подумал Осчик.

— Так вот, — продолжил капитан, — на каждой планете спорки было святилище, в котором хранился Камень. А после восстановления межзвездных путей спорки свезли их в специально построенный храм и принялись искать Камни на других планетах.

— Зачем?

– Я ведь сказал: они верят, что Камни связаны с Мором.

– И святилище это до сих пор не найдено, – скептически произнес Вальдемар. – Не верю.

– Дело в том, что спорки устроили храм на Ахадире. – Капитан выдержал паузу. – Это название ты должен был слышать.

Осчик молча кивнул.

Слухи о загадочной планете гуляли по всем портовым ка-бакам Герметикона, однако галанит относился к ним именно как к слухам – считал заурядным цепарским фольклором. И вот теперь его убеждают, что планета, о которой грезят все авантюристы Герметикона, действительно существует...

– Я был на Ахадире, Вальдемар, и я своими глазами видел храм. Я видел Камни, своими глазами видел, чтоб меня манявки облепили – их выносили на какую-то церемонию, а я сидел на соседней горе и таращился на спорки в бинокль. Я видел храм...

– Но почему ты решил, что эти сведения стоят полмиллиона цехинов?

– Если заплатите большие, я не обижусь.

– За обнаружение пригодного для жизни мира астрологи Герметикона платят десять тысяч.

– А ты спроси у директоров-наблюдателей, сколько они готовы выложить за собрание Камней?

– И выставить себя на посмеище?

– И стать героем, Вальдемар, – с энтузиазмом ответил дунбегиец. – Я точно знаю, что однажды Компания пыталась перехватить у спорки Камень.

– Из любопытства, насколько я понимаю.

– Погибло двадцать человек.

– Ну и что?

– Ты не знал об этом, да? А ведь ты занимаешь довольно высокий пост.

– К чему ты клонишь?

– Такая секретность объясняется одним: Компания считает Камни необычайно важными.

– Или же абсолютно неинтересными.

– Кто из нас прав, можно выяснить лишь одним способом: отправь сообщение директорам-наблюдателям. У тебя есть связи, а значит, послание не затеряется.

Связи связями, но Осчик все еще был преисполнен скепсиса. Что написать в докладе? Дунбегиец с сомнительной репутацией уверен, что отыскал мифологический мир, в котором спорки хранят коллекцию красных булыжников? Пришлите пять тонн золота, и я куплю подробности. О таком сообщении будут рассказывать анекдоты. Могушественный дед, разумеется, не позволит испортить родственнику карьере, но хихикать за спиной будут обязательно.

– Все, что ты рассказал, интересно, но...

– Ты не видишь перспективу, – торопливо произнес Вандар, сообразивший, что Осчик планирует закончить разгово-

вор.

– Так покажи мне ее.

– Власть.

– Власть?

– Если Белый Мор действительно ушел в Камни или же связан с ними иным способом, то мы говорим об оружии, с помощью которого можно держать в повиновении весь Герметикон.

– Почему же спорки его не используют?

– Возможно, им мешают религиозные запреты. Или же они готовятся к атаке.

Есть ли в этих словах доля истины? Хотя бы небольшая доля, ради которой можно рискнуть репутацией?

– Никто не позволил бы спорки владеть столь мощным оружием.

– Ахадир, – коротко ответил капитан. – Его невозможно отыскать.

– У тебя получилось.

– Повезло.

– Рано или поздно повезет кому-то еще.

– Например, исследователям Астрологического флота.

«Ты хотел долю истины? Ты ее получил».

В том, что директорам-наблюдателям понравится идея утереть нос Герметикону, Вальдемар не сомневался. Но платить за имидж пять тонн золота... дунбегиец явно не в себе. С другой стороны, если булыжники и впрямь имеют

отношение к Белому Морю, цена перестает казаться чрезмерной.

– Чего ты хочешь, кроме денег? – спросил Осчик и тут же, не позволив дунбегийцу ответить, уточнил: – Если я все-таки решу доложить о твоём предложении, сообщение должно быть полным.

– Я прекрасно понимаю, что Компания не заплатит такую кучу золота без надлежащей проверки.

«Мы и после проверки постараемся не заплатить».

– Совершенно верно, – кивнул Вальдемар. – Ты требуешь огромные деньги.

– Поэтому придется организовать экспедицию. Моя команда – ваше снаряжение.

– И наблюдатель.

– Разумеется. Мы слетаем на Ахадир и привезем Камни. Я с удовольствием продал бы вам одни лишь координаты, но прекрасно понимаю, что сразу вы не заплатите, а после – забудете. Или убьете меня.

– Как вариант.

Дунбегиец рассмеялся.

– Вот почему ты мне нравишься, Вальдемар – ты не отрицаешь очевидных вещей.

– Есть много способов тебя обмануть, Жак. Допустим, мне прикажут стать наблюдателем. Как только я окажусь на Ахамире...

– На Ахадире.

– Не принципиально. Как только я окажусь на этой планете и узнаю ее координаты, ты станешь не нужен. А твоя наглость...

– Вальдемар, меня можно обмануть тысячью способов, но я попробую предусмотреть все. Во-первых, я приму меры, чтобы твои друзья не сели мне на хвост.

– Это понятно.

– А во-вторых, убраться с Ахадира еще сложнее, чем пасть на него.

– Полагаю, мы сможем вычислить ближайшую планету.

– Нам потребовалось три недели.

– Почему не ушли туда, откуда явились?

– Потому что в той точке астринг работать отказался. – Заметив в глазах Осчика удивление, Вандар осклабился: – Ты плохо знаешь цепарские мифы, Вальдемар, а они, как выяснилось, в тысячу раз правдивее газет, чтоб меня манявки облепили. Ахадир пришивартован к Пустоте, у его луны есть собственный спутник, а по поверхности гуляют Знаки. Я видел застывших в небе птиц и летящие по воздуху камни размером с копну сена. Мы отыскали шесть точек перехода, но астринг сработал лишь в одной из них, и как сработал: мы прыгнули в четыре раза дальше обычного!

Мог ли он выдумать такие подробности? В принципе мог: цепари – известные трепачи. Но Осчик уже принял решение:

– Ты удержишься на Хансее?

– Ухожусь через два часа, я не идиот.

— Как же мы свяжемся?

— Как обычно, Вальдемар, через посредника. — Вандар под-
нялся из-за стола. — Я уверен, что наша следующая встреча
состоится очень скоро.

* * *

Переговоры тянулись месяц и завершились безоговороч-
ной победой Вандара. Капитан с подмоченной репутацией
получил от Компании деньги, снаряжение, новейший цеп-
пель и минимальное количество сопровождающих: Осчик и
десять солдат. Наверняка радуется, наверняка потешается
над галанитами, которым он вывернул руки, но Осчик знал,
что Вандар перегнул палку. Директора-наблюдатели не тер-
пели тех, кто осмеливался диктовать им условия, и по воз-
вращении капитана ждали крупные неприятности.

Пока же приходилось терпеть унижения.

— Машинное отделение! Средний ход! — проревел Вандар,
схватившись за переговорную трубу. Задумавшийся Осчик
вздрогнул. — Рулевой, снижаемся до ста!

Ниже нельзя, поскольку в сорока метрах под цеппелем
болталась грузовая платформа со снаряжением.

— Есть, кэп.

— Что случилось? — осведомился галанит.

— Расслабься, Вальдемар, пей свой кофе. — Капитан вни-
мательно оглядел скалистые пики, до которых оставалось

около двадцати лиг. – Мы ведь не хотим сообщать о нашем появлении во всеуслышание, правда? Эти горы не столь пустынные, как может показаться на первый взгляд.

– Думаешь, цеппель еще не заметили?

– Надеюсь, чтоб меня манявки облепили, надеюсь! Думать я не могу, у меня от этого изжога делается, остается только надеяться! Петер!

Хеллер отлип от навигационного стола и быстро подошел к капитану:

– Мы идем с востока, точно так же, как в прошлый раз. Дорогу я помню, будем укрываться за горами и подойдем к храму...

– Через сколько? – жадно перебил старпома Осчик. Не сдержался и вновь смутился, увидев понимающую ухмылку Вандара.

«Ладно, потом посчитаемся».

– Будем делать не больше двадцати лиг и подойдем часа за три.

– Почему так медленно?

– Потому что, Вальдемар, если мы заметим внизу живность, то есть каких-нибудь местных туземцев, мы их пристрелим! – Вандар захохотал. – Все ясно?

– Будем надеяться, что не заметим, – дипломатично произнес Хеллер.

– Об этом я и твердил Вальдемару, чтоб меня манявки облепили – надеяться! – Капитан хохотнул напоследок, но

внезапно стал серьезен: – Гора, что скроет нас от храма, приметная, мы ее хорошо срисовали. Встанем за ней и отправим Дана с ребятами на разведку.

– Ты же говорил, что горы у храма совершенно непроходимы, – припомнил Осчик.

– Непроходимы для повседневной жизни, но не для разведчиков, – уточнил Вандар. – Дан посмотрит, что к чему, сообщит нам, и тогда...

– Заиграет музыка, – хмыкнул галанит.

– Все правильно, Вальдемар, – музыка, – согласился капитан. – Если все пойдет так, как надо, мы возьмем храм с лета, даже паровозик не распакуем, который твои дружки мне всучили. Перебьем местных, заберем камни и отчалим домой.

«Где я тебя, скотину, выверну наизнанку».

Осчик улыбнулся приятным мыслям, но вслух произнес совсем другое:

– Прекрасный план, капитан.

Глава 4, *в которой сходятся лед и пламя, Свечка уходит в Пустоту, Баурда приносит странное сообщение, Вандар торопится, а Осчик плетет интриги*

Ночь случилась вдруг. Обошлась без прелюдии, без романтических сумерек, во время которых так приятно ленился и разговаривать бессмысленно на разные темы. Не дала возможности расслабиться. Только что ярко светило солнце, словно намекая, что за пару цехинов готово остаться навсегда, но обмануло, и вот вокруг тьма, разогнать которую не могли ни далекие звезды, ни спутник. Местная луна посеребрила тонким светом вершины, но увидеть ее не удалось – набежавшие тучи скрыли излишне скромный спутник.

– Мрачно, – прокомментировала происходящее Привереда.

– Это потому, что мы в каньоне, – мгновенно отозвался Рыжий.

Сообразив, как низко упали их с Тыквой акции, Рыжий принялся изо всех сил восстанавливать утраченный автори-

тет. Он соглашался с любыми замечаниями девушек, громко смеялся над их редкими шутками и не гнушался лестью. Тыква только круглой головой качал, глядя на такую угодливость, а вот Грозный, как ни странно, ни разу не поддел проштрафившегося спутника.

– От воды тянет холодом, солнце исчезает рано, и вообще – неприятно.

– Зато мы идем по прямой, – произнесла Куга.

– Это преимущество, – тут же согласился Рыжий.

– У костра плохо пахнет, – поморщилась Привереда и покосилась на Свечку, которой выпало заниматься кухней: – Долго еще? Надоело!

– Одна порция осталась.

– Очень хорошо.

Мясо горного козла оказалось вонючим и жестким, однако изголодавшиеся путешественники набросились на него с жадностью, уплетали за обе щеки да нахваливали, невзирая на отвратительный привкус и отсутствие соли. А набив животы, расслабились и начали предъявлять претензии. Особенное неудовольствие Привереды вызвал приказ Грозного пожарить как можно больше мяса.

– Зачем? Для чего этим заниматься?

– Запас еды, – в очередной раз ответила Свечка.

– Встретим еще одного козла.

– А вдруг не встретим?

– Мы не в пустыне, – поддержал нахалку Рыжий. – Встре-

тим.

– У тебя много патронов осталось?

– Четыре.

– Что будем делать, когда они закончатся?

– К этому времени мы выйдем к людям, – хмыкнул Рыжий.

– Мне бы твою уверенность.

– Грозный прав, – пробубнил Тыква. – Патронов мало, сколько будем таскаться по горам – неизвестно, а значит, каждую добычу нужно съедать полностью. Простая логика. – И похлопал себя по плечам: – Надеюсь, обойдемся без заморозков.

Минусовых температур не предвиделось, однако с каждой минутой становилось все холоднее.

– Ты когда-нибудь ночевала на улице? – осведомился у Привереды Рыжий.

– Сомневаюсь.

– Для меня происходящее тоже в диковинку, – кивнул Рыжий.

– Главное, что мы сыты, – подала голос Свечка. – Я где-то читала, что главное в таких ситуациях – быть сытым. Если есть еда и огонь, можно продержаться до утра даже при заморозках.

– Ты столько читала, – протянула в ответ Привереда. – Может, ты библиотекарь?

– Никогда не видел голых библиотекарей, – хихикнул Ры-

жий.

– А это специальная услуга...

– Заканчивайте, а? – попросил Тыква.

– А то что? – прищурилась Привереда. – Пожалуешься Грозному? Или она пожалуется?

– Зачем жаловаться? – пожал плечами Тыква. – Я сам вас заткну.

– Меня? – удивился Рыжий.

– Если не замолчишь. – Тыква мрачно посмотрел на спутника. – Мы в одной лодке, приятель, и я не хочу, чтобы ты ее раскачивал.

Умное замечание спорки подействовало на девушек гораздо лучше липкой угодливости Рыжего. Скользкую тему оставили, решив поговорить о другом:

– Кстати, мы уже прекратили считать Грозного преступником или нет? – светским тоном осведомилась Свечка.

Привереда охотно поддержала спутницу:

– Его могли арестовать за браконьерство.

– Адигена?

– А вдруг он простой охотник?

– Слуга охотника, – пробурчал Рыжий.

– Скорее уж он вез тебя в зоопарк, – бросила Свечка.

– Нарываешься?

– Мшу тебе.

– Осторожнее на поворотах.

– А то что?

Тыква громко рассмеялся и поднялся, отправившись помогать Свечке снимать с огня мясо. Рыжий посопел, мрачно глядя на враждебную парочку, после чего повернулся к Привереде:

– Между прочим, спать вдвоем теплее. А учитывая, что у нас нет ни одеял, ни теплой одежды, это еще и правильно.

– Вот и спи с Тыквой, – предложила девушка.

– Я человек добрый и необидчивый: придешь – приму. Ночи в горах зябкие.

– Не надейся.

– Надо было найти пещеру, – вздохнул подошедший Тыква.

– Какой ты умный, когда сытый, – фыркнула на него Привереда. – Болтать все горазды.

И поднялась на ноги.

– Ты куда? – машинально спросил Рыжий.

– Разве я должна отчитываться?

– А вдруг мы женаты?

– Такой кошмар я не забыла бы, даже потеряв память.

– Может, вы были счастливы, – хихикнула Свечка. – Откуда тебе знать?

А Привереда наконец сообразила, что ее беспокоит:

– Где Куга?

– О-па! – Мужчины переглянулись.

– Кажется, пошла к реке, – неуверенно произнес Тыква.

– К реке? – Привереда закусила губу. – А ведь Грозный

должен был уже вернуться...

* * *

Журчание воды...

Нет, не журчание – плеск. Плеск? Откуда? Он в открытом море! Вода повсюду. Холодная, беспокойная, она лезет в нос, в рот и в уши, она пропитала одежду, превратив ее в громоздкую, тяжеленную оболочку, что предательски тянет на дно. Одежда тянет на дно, бамбада тянет на дно, а тут еще веревки... Перепутались, проклятые, так, что не повернуться. Что за веревки? Непонятно. Ничего непонятно, кроме того, что повсюду вода. Волны невысокие, но сейчас они смертельны, потому что одежда и веревки тянут вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.